

Перевод:

[https://www.baka-tsuki.org/project/index.php?title=Densetsu_no_Yuusha_no_Densetsu_\(Russian\)](https://www.baka-tsuki.org/project/index.php?title=Densetsu_no_Yuusha_no_Densetsu_(Russian))

Том 4. Кровавый пир

Пролог I. Боль оставляет шрамы...

Ничего не осталось. Ни родителей, ни воспоминаний о них.

Удается вспомнить только одно — это собственное имя. И больше ничего.

Совсем ничего.

Открыв глаза и оглядевшись, он находит себя посреди пустоши. Слабый стон вырывается у него. В небе разливаются кровавые краски: садится солнце и отворяет дверь наступлению ночи... Но для него не закат тому виной. Все пришло в упадок и запустение, всюду лежат... трупы. Мертвые люди. Совершенно бездыханные.

Здесь воцарилась смерть. Здесь проливалась кровь, и небо явственно отражает этот багровый цвет.

Вот было первое, что он увидел и осознал.

Война... В отдалении, несмотря на надвигающуюся ночь, не смолкает рокот войны. Он с изумлением смотрит, как гаснут и вновь разгораются магические вспышки.

— Ах... а-а... — тихо вздыхает он. И вдруг слышит чей-то голос:

— Эй, здесь есть выживший... Да это ребенок!

Он оборачивается и видит людей, ловко снующих поблизости за работой. Они крадут у мертвецов мечи, снимают с их тел доспехи, воруют кольца, срезая их вместе с пальцами...

— Эй, пацан! Чего трешься на пепелище? Тоже разбойник, как мы?

В ответ он лишь стонет, не зная, что говорить. А умеет ли он говорить? Этого тоже не знает.

Он только-только очнулся и ничего не помнит. Даже себя самого.

Он устремляет свой взор на людей, видит их перепачканные одежды, а затем глядит на себя. Так значит, он — маленький мальчик (сколько ему — четыре, пять?) и весь вымазан в крови. Но это не его кровь (такая багровая...), а мертвецов поблизости. Он смотрит на свои руки: те тоже

красны.

— Нет, на разбойника не похож. Мы уж давно околачиваемся возле трупов, но вовсе не так чумазы. Ты что, сынок роландского офицера? Знатные говнюки! Притащили ребенка на поле боя, а сами сдохли.

Знатный... ребенок?

— Или везунчик из эстабульской деревни? Да уж, те еще говнюки, раз воюют с детьми. Хотя стал бы дворянский сыночек носить такое тряпье? Значит, пленник. Твое счастье, что все подошли.

Сказав так, человек плюет на мертвое тело, распростершееся на земле.

— Как тебя звать?

На этот вопрос он, кажется, может ответить. Имя. Его имя... Это все, что он помнит.

— Райнер... — шепчет он.

— А? Не слышу! Говори громче, — раздраженно говорит человек.

— Райнер Лют...

Вот теперь мужчина, расслышав его, кивает. Затем поднимает руку, делает резкий взмах и отвесивает мальчишке затрещину. Мир темнеет, от удара хилый, тщедушный Райнер опрокидывается на сваленных в кучу мертвецов.

— Вот так мы будем с тобой общаться. Понял, Райнер Лют? — произносит мужчина. — Поедешь со мной в нашу деревню. Будешь прислуживать. Времена нынче суровые, нищим деревням не прокормить задарма даже таких малявок. Хочешь выжить — трудись, а не хочешь — молись. Если понял, тогда начинай стаскивать броню и другие безделушки с этих жмуриков. Пошевеливайся! Не то прибью!

Еще затрещина — и все вздрагивает перед его глазами.

Так Райнер впервые узнал о мире вокруг.

...

Домом для Райнера стала бедная роландская деревушка вблизи эстабульской границы. Долгое время селяне жили одним земледелием, но война уничтожила посевы, заставив людей торговать вещами, добываемыми на полях сражений. Райнер вместе с другими мародерами выискивал ценности, снимал с павших воинов доспехи и украшения, продавал их и только поэтому мог оставаться здесь. Впрочем, заработанных денег хватало лишь на самую скудную пищу, да и жил он в грязной лачуге, совсем один... Его дни ничем не отличались друг от друга, но все-таки жить здесь было не так уж плохо, как он себе представлял. Все жители одинаково нуждались; понемногу Райнер налаживал с ними отношения, у него появились приятели и даже друзья... Райнер научился смеяться.

Вскоре в его запустелом домишке собиралась втайне от взрослых вся окрестная ребятня. Это были счастливые дни, когда Райнер смеялся.

В то же время он обворовывал мертвых людей, и если собрать удавалось мало... Нет, пусть даже много — взрослые не скупились на оплеухи. Но Райнер, невзирая на это, всем был доволен и продолжал смеяться.

А все потому, что в этой деревне он стал своим.

Вот только...

Сегодня закатное солнце кажется необычайно красным. Райнер, вернувшись с полей, видит в своем доме ребят, как обычно собравшихся здесь поиграть. Едва входит в комнату, как слышатся возгласы: «Привет, Райнер! Трудный был день?» Он радостно улыбается:

— Нет, все хор...

— Послушай, послушай, — вдруг прерывают его, — почему ты живешь один? И работаешь вместе со старшими? А где твои папа и мама? Их тоже, как моего папу, убили на войне? — в недоумении спрашивает девочка по имени Квилл. Она часто приходит в гости.

— Не знаю, — Райнер качает головой. — Вспомнить не могу. Когда я очнулся, родителей рядом не было.

Среди этих ребят многие потеряли отца или мать, или даже обоих родителей — всех забрала война. Но только Райнер не помнит своих родных. Когда очнулся на пепелище... все было в крови...

— Ах, — девчушка растерянно опускает голову, — тебе разве не одиноко так жить?

Райнер, услышав это, улыбается и возражает:

— Нет. Ведь вы со мной.

— А хочешь, я буду твоей мамой? — и она хихикает. — Теперь называй меня мамой!

— А я тогда буду папой! — произносит мальчик, сидящий возле нее. — Райнер, зови меня папой! А... а Квилл пусть зовет меня мужем! Сыграем свадьбу!

Квилл мигом задирает нос.

— Быть женой Делла? Не хочу!

— Ох, меня отвергли! — смеющийся Делл притворяется плачущим. Райнер тоже смеется. В этой деревне именно Делл стал его первым другом. Его все любили за то, что он радовал и веселил их. Райнеру Делл тоже изрядно нравится: этот мальчик приводил в его дом других ребятшек, и все они становились друзьями Райнера. Он смеялся и день ото дня чувствовал себя лучше. Бывало, от одиночества кусок в горло не лез, но веселые игры прогоняли тоску. Среди деревенских ему было хорошо.

Но вот вдали гремят взрывы. Раз гремят, второй раз, третий... Это привычный грохот боевых заклинаний: поначалу слышимый издали, он медленно приближается... И вдруг всю деревню охватывает волнение.

Отворяется дверь.

— Квилл! Почему ты еще здесь?! Идем скорее! Войска... снова они... наших людей... В нашу деревню снова идет война!

Мать Квилл, ворвавшись в дом, тащит дочь за собой. Дети бросаются врассыпную, Райнер тоже выходит на улицу. К этому времени магические разрывы подбираются совсем близко: среди танцующих языков пламени бушуют молнии и нарастает страх за людей, которых война, стоящая на пороге, обрекает на гибель. Скоро град боевых заклятий обрушится на дома... Нужно бежать, пока еще есть время...

Люди удирают как можно дальше от вспышек, и Райнер не отстает. Быть может, на этот раз он сумеет спастись. И все спасутся. И неважно, что их деревню сравнивают с землей...

Но тут и Райнер, и остальные ощущают вибрацию в воздухе.

— Чт... — успевает вымолвить Райнер, прежде чем гремит взрыв. Из поднявшегося пыльного облака появляются люди в боевой амуниции.

— Не двигаться! — приказывают они. — Кто шевельнется, тот не жилец.

Но люди и так застывают на месте в страхе перед обученными солдатами с их магическими умениями. Нет, никому не спастись. Селяне беспомощно скулят и готовятся к худшему. Раз эти люди хотят убить Райнера и других жителей Роланда, значит, это враги — эстабульцы, что вечно жаждут крови и обходятся с роландцами бездушно. В любом случае, ловушка уже захлопнулась, и ничего хорошего их не ждет.

Покуда Райнер судорожно размышляет, облако пыли рассеивается — воины предстают перед селянами во всей красе. И мальчик едва ли верит себе, когда видит на их нагрудниках роландские гербы в виде змеи, обвившей копье.

Деревенские мужики расслабляются.

— Так вы... роландские вояки... — стонет один из них. — Чего ж так пугаете? Мы-то думали — эстабульцы...

Но голос его обрывает, когда человек из роландского отряда бьет его в грудь мечом. На лице крестьянина — изумление: «Ах... За... зачем...» — произносит он. Тут изо рта его хлещет кровь, и мужчина падает замертво.

Почему? Почему роландские солдаты решили расправиться с жителями деревеньки, такими же роландцами? Тишина стоит среди селян: все просто онемело от шока.

Когда, наконец, забрезжило понимание, то отовсюду слышится женский плач. Но сверкнули мечи — и стоны умолкают. Оставшиеся крестьянки прикусывают языки; матери зажимают руками рты ребятишек, силясь приглушить крики. Лучше молчать, не то им конец — солдаты Роланда ясно дали это понять.

Убедившись, что все в должной мере прониклись ситуацией, воины неторопливо оглядывают селян, обращая свое внимание на каждую мелочь.

— Сейчас, что бы мы ни сделали, вы закроете глаза, — спокойно произносит их лидер, — и никому о том не расскажете. Вы подчинитесь. Только посмейте кричать и брыкаться — наказанием будет...

Меч вновь сверкает, убив одного из крестьян.

— ...смерть.

Погиб. Насовсем. Погиб напрасно. То же стало с друзьями, приятелями, знакомыми... Люди из последних сил сдерживаются, чтобы не закричать. И, глядя на чудовищную сцену, дрожат от страха.

Затем воины в доспехах оборачиваются, и только здесь остальные замечают роскошную карету, украшенную камнями, подобных которым никто из них и не видывал.

— Все готово, — кличут солдаты близ экипажа.

— Хорошо. — Распахнув каретную дверцу, изнутри появляется страшно худой мужчина лет пятидесяти. Он одет в просторную мантию редкостной красоты, сшитую из мягчайшей ткани. С первого взгляда крестьяне понимают, что перед ними знатная персона, человек благородных кровей. Он с ухмылкой кивает:

— Любопытно. Весьма любопытно.

Спустившись с подножки кареты, он подходит к деревенским жителям и начинает пристально разглядывать Райнера и остальных. Нет... Его интересуют исключительно девочки. Юные девочки чуть постарше Райнера.

И вот, наконец, он выбирает одну из них. Райнеру приходилось встречать ее, только они ни разу не разговаривали. Глядя на то, как девочку забирают солдаты, все понимают, что ее ждет. Взрослые находятся на грани слез, их лица перекошены... Но никто не говорит ни слова.

Лучше молчать. Не то всем конец.

Райнера, как и других, обуревают дрожь. Что заставляет его дрожать — гнев, испуг, отвращение?

Но дворянин, как оказалось, еще не закончил. Он выбирает вторую девочку... И Райнер едва не кричит: это Квилл, та самая Квилл, которая приходила к нему поболтать. Девочка с нежной улыбкой, что согласилась стать его мамой и скрасить его одиночество.

Дворянин дает Квилл звучную оплеуху. Солдаты уже готовы забрать ее, но раздается крик матери:

— П-прошу вас, не трогайте мою до...

Меч вонзается в грудь женщины и заставляет ее замолчать. «Не-е-е-е-е-ет!» — плачет Квилл. Райнер трясется всем телом. «Как же так... Это безумие, — думает он, — все просто сошли с ума...» Неподвластная ему дрожь не ослабевает. Квилл вот-вот увезут, и он не может этому помешать... Он один не сможет...

Вдруг слышен крик из толпы:

— Я не позволю отнять у нас Квилл!

Это кричит Делл, это его голос. Райнер даже не успел обернуться, а Делл уже бежит к ней. Проворно увернувшись от вражеского меча, он гонится вслед за солдатом, который уносит Квилл.

— Верните Квилл!

Но его голос замирает, когда солдат оборачивается и чертит магическую печать. И вспыхивает пламя.

Его жар окутывает Делла.

В тот момент Райнер не мог поверить в происходящее.

Делл сгинул. Буквально исчез. Делла... его... поглотило страшное пламя и обратило в пепел. Все, что осталось от мальчика — это ладонь с предплечьем. Рука, которую он протягивал Квилл.

У Райнера вырывается всхлип. Дрожь, нарастая по капле, бьет его все сильнее. Боль обжигает глаза. Отчего — он не знает. Болит до жути. Весь мир оделся в красные полутона, даже вечернее небо стало алее прежнего. Этот цвет напоминает ему о том дне, когда он впервые очнулся на ратном поле: кругом трупы, и кровь заливает землю... Пустота в его теле...

И обреченный мир, который так хочется защитить.

Люди умирают.

Люди гибнут.

Райнер сам не понимает, что делает: он поднимает руку и чертит магическую печать. Сияющая печать роландского солдата теперь принадлежит Райнеру. Мальчик не помнит, откуда ему известен рисунок... но у него получается.

Он просто смотрел. Всего один раз увидел, как это делает маг-воин — но и раза ему хватило. Магическое построение, структура, ход активации, начертание — нужно только посмотреть и все. Будто бы он учил эту магию раньше... Но нет: это сродни глубокому пониманию мироздания и ощущению, словно он может все.

Тихим и решительным голосом он говорит:

— Призываю чистый огонь... КУРЕНАИ!

Печать изрыгает пламя, и то сжигает солдата, схватившего Квилл, дотла.

— Что?! — истошно голоса воины от неожиданности. — Среди них есть маг! Убить его! Убить немедленно!

Один солдат вынимает меч из ножен, двое других скандируют заклятия. Однако Райнер снова смотрит на них, и обе его руки рисуют сразу два различных контрзаклятия. Теперь солдаты не могут колдовать.

— Н-не может быть! Этот клоп, он... Он помешал нашей магии... — не успевает воин закончить, как изумление на лице сменяет ужас. — Что же это... Глаза... Его глаза... Посмотрите на эти глаза... Алые пентальфы... У этого мальчика Альфа Стигма! — кричит он, глядя на Райнера.

Альфа Стигма — какая-то незнакомая штука... Но выражения лиц этих воинов подсказывают, что этой штуки, увы, следует опасаться. Впрочем... Райнер делает шаг вперед — и солдаты

боязливо пятятся:

— Ох, нет-нет-нет... Лорд Элром... Н-нужно отступить... С Альфа Стигмой шутки очень плохи...

Лорд Элром кивает с перекошенной физиономией, затем делает попытку скрыться в карете. Тут Райнер вопит:

— Отпустите девочек! Или вы все умрете!

В панике дворянин выпускает пленниц из кузова, и карета мчится прочь. Солдаты улепетывают вслед за ней. Невероятно, но Райнеру удалось прогнать роландский отряд. Хотя сам он не очень-то представляет, откуда в нем столько силы.

Зато помешал им. Помешал забрать Квилл. К несчастью, Делла уже не вернуть... Но отныне Райнер сумеет защитить жителей от любых напастей. Он искренне хочет помочь деревне, что приютила его.

Когда карета исчезает вдали, мальчик вздыхает с облегчением: всеми нервами он по-прежнему напряжен. Он улыбается и глядит вокруг, на спасенных людей. Но что это? Отчего в их лицах он видит страх, как у знатного лорда? Они смотрят на Райнера с нескрываемым ужасом. Смотрят, точно на прокаженного.

— Что... Что это с вами? — говорит Райнер. — Почему вы так смотрите?..

Его обрывает дрожащий голос мужчины:

— Твои глаза... Талром, вот же ублюдок... На кой черт приволок нам это отродье?! — вопит он.

— Эй, а как же... — Райнер ничего не понимает.

— Райнер, ты нарочно держал это в секрете, ведь так? Врал нам все это время?!

— Да о чем вы... Что вы несете...

Мальчик силится понять, отчего его все ругают. Внезапно пришла беда, и все изменилось, и теперь в глазах всех и каждого он видит лишь ненависть.

— Это все ты виноват! Из-за тебя, поганый выблядок, на нас сыплются несчастья!

— Эй... Постойте...

Но люди, не дав ему договорить, оборачиваются и кричат:

— Чудище! Сгинь, чудище! Как ты посмел остаться в нашей деревне, позор тебе, монстр!

— Ты — чудовище, что может только убивать!

Монстр... Вот как его называют — чудовищем и убийцей... Чу-ди-щем. Но как же так? Он думал, что спас их всех, и сможет жить с ними счастливо, как прежде... Ведь были же они счастливы вопреки всем тяготам нищеты!..

В этот момент он ловит взгляд девочки, Квилл. Даже она не скрывает своего отвращения, словно Райнер — всего лишь клоп.

— Почему ты... так смотришь...

А между тем небеса по-прежнему отливают кровавым цветом. От всех оттенков алого и багрового у мальчика кружится голова. В его темных глазах появляются сияющие пентальфы. Это и есть Альфа Стигма — «проклятые глаза». Это из-за нее люди ругают его с ненавистью на лицах. Из-за нее называют чудищем. А он даже не может этого отрицать, ведь к нему так и не вернулась память. Ни родителей, ни воспоминаний о них... Он даже не знает, кто он такой. Так что когда все вокруг кричат «ты чудовище!», ему нечего возразить.

Его взгляд дрожит; вокруг него плещется алое море; все от него отвернулись. Он чувствует отрешенность. Может, кто-нибудь и захочет быть рядом с ним — но тогда и они поймут, что ему нет места среди людей. Глазами, в которых сияет его проклятие, он смотрит на лица селян, перекошенные от страха и омерзения.

«Все правильно, — думает он. — Я... Монстр».

Так Райнер впервые узнал, что он — чудовище.

Глава 1. Тот же усталый юноша

Небо в крови.

Вечерняя зорька окрасила небеса в кровавый багрянец. Райнер поднял глаза и устало вздохнул:

— Чувствуешь? Дело к ночи, закат полыхает... Нет, ты чувствуешь, что пора в кроватку?

— Хм. Можно подумать, среди бела дня в кровать тебя не заманишь.

— Эй! Ну, вообще-то днем мне положен послеобеденный сон. А то сил не будет.

— Райнер, когда же ты выпишься?

— Э-э-э... Знаешь... — замялся он, обхватывая свой локоть. — Хех... Когда выплюсь... Наверное, никогда.

Вот и поговорили.

Они путешествовали уже за пределами Нельфы, с огромным трудом добрались до империи Руны. Ох и долго же они шли...

Именно так: напарники шли пешком.

Один из них за весь день так и не удосужился причесаться, в темных его глазах застыла сонливость. Худой и жилистый, словно кошка, он вряд ли когда-нибудь придавал значение слову «надо». Тем загадочнее он выглядел в белой броне и плаще, созданных для роландских магов-рыцарей.

Этим усталым юношей и был Райнер. «У-у-у...» — протянул он растеряннно-задумчиво.

— Эх... Если подумать, дело обстоит так: с утра мне никак не встать, значит, не выспался; в обед наедаюсь так, что просто нет сил — тоже не выспался; сразу после обеда тянет вздремнуть — ясное дело, не выспался; ну а к вечеру устаю, как все, разве нет? И древний инстинкт велит мне выспаться ночью, — путано объяснился он.

— По-твоему, эта галиматья должна меня убедить? — возразила его спутница.

Райнер взглянул на девушку рядом — ну просто неотразима! Закатное солнце озаряло своими лучами длинные золотые волосы, ясные синие очи, лицо богини и стройный стан, броня на котором сидела как влитая. За осиной талией покоился меч, не в меру длинный для нежных девичьих рук.

Такой была Феррис Эрис. Своей красотой могла покорить целые города. И даже луна в сравнении с Феррис меркла от стыда и желала спрятаться за солнечным ликом. Правда, голос у девушки был сдержанным и монотонным, а выражение ее лика не менялось.

В руках у Феррис была последняя палочка с недоеденным шариком данго, и сейчас его нежно облизывал прелестный язычок... Как же хотелось съесть этот шарик, но раз он последний, то данго совсем не останется... Что тогда?

А пока Феррис мучилась, Райнеру от такого аппетитного зрелища становилось... не по себе.

— Как бы там ни было, спишь ты сверх всякой меры, — вдруг сказала Феррис. — Я тут понаблюдала за твоим поведением и подсчитала, что ты успел выспаться на годы вперед. Так что, я полагаю, впредь отсутствие сна тебе навредить не может. И это прекрасно. Ты будешь денно и ночью прислуживать мне всю жизнь. Ликуй же.

Глаза Райнера выкатились из орбит.

— Ты... ты пугаешь меня своими бреднями... Да если лишишь меня сна, я же умру!

Феррис только кивнула:

— Хм. Умер бы, да не все так просто. Люди, покуда не оставить им выбора, способны на подвиги. Поэтому, начиная с этой минуты, любая попытка уснуть будет строго караться. Назовем это так: «Я-Напуган-До-Смерти-И-Не-Буду-Спать-Иначе-Меня-Линчуют».

— Ты спятила?!

— Некоторых людей так часто наказывали, что никто потом не жаловался на бессонницу. Тут все дело в привычке. Кстати, неплохая тема для доклада. Напишу к следующему семинару. И проиллюстрирую.

Прямо на ходу Феррис вынула и показала ему рисунок (где только время нашла?). Изображенная с воздетым мечом Феррис стояла у постели Райнера, на лице которого застыл ужас. Обозрев картину, маг невольно протянул:

— Ух ты, вполне узнаваемо, да у тебя талант... Но это ничего не меняет! О господи, а ведь ты основательно подготовилась... Хотя я так и не понял, к чему. Во-первых, что еще за семинар? Ты хоть знаешь, что это такое?

— Конечно. Мы с Ирис сами устраиваем семинары, на которых ведем изучение тайн мироздания и...

— Ага, — перебил ее Райнер, поморщившись, — вы с этой неугомонной играете «в школу». Кое-что проясняется. Но кто бы что ни говорил, а потребность в отдыхе не отбить простой экзекуцией. Так как именно будешь наказывать?

Феррис бережно вернула на место и впрямь неплохой рисунок.

— Хм, — кивнула она. — Для начала возьму свой меч и аккуратно отделю голову...

— Валяй, если думаешь, что это поможет проснуться! — не сдержался Райнер.

— Давай лучше вспомним о более важных вещах — о нашей работе, — вдруг сказала она.

— Не меняй тему! Признавайся: ты хотела подкрасться и зарубить меня спящего? Да или нет?

— Хе-хе.

— Ты! Ты хихикнула!! Я точно слышал!!

— Хм. От участия в моем докладе ты не отвертишься. Так что смирись.

— Даже и не подумаю! — он страдальчески взвыл. Феррис как всегда не обратила внимания.

— Хм. Ты нашел что-нибудь о легендарных героях империи Руны?

— Эй, ты снова меняешь тем... Все, неважно, — Райнер в полной мере ощутил свою беспомощность. — Взгляни на небо: уже темнеет. После игр в догонялки с нельфийскими магами-рыцарями, которые вдруг свалились на нашу голову, мы едва добрались до Руны, а тебе вдруг приспичило вспомнить о работе. Лучше б подумала, где нам ночевать.

Феррис кивнула:

— Ладно. Хорошо. Поставлю вопрос иначе. Кто написал доклад о Реликвиях героев, а потом отдал Сиону? Чья это миссия — искать артефакты?

Райнер резко осунулся.

— Этот скот забрал у меня доклад не спросив, а потом сказал что-то вроде «пойди и найди мне Реликвии», и раз мое мнение его не интересовало — я и пальцем не шевельну...

— Хм. Как и я. Он втянул меня в это, приставил к тебе, угрожая снести мой излюбленный магазин... Воистину, он сам дьявол. Придет день, когда он отведаст моего клинка...

— Я «за»! Всеми руками «за»! — закивал Райнер. — Предлагаю объединить усилия!

— Угу. — Подтвердив таким образом, что они заодно, Феррис продолжила: — Вроде бы у тебя в докладе сказано, где находятся эти Реликвии?

— Сказано, — согласился он. — А точнее, собрана информация из легенд и мифов, известных в Роланде и у соседей. Но и картами, где отмечены возможные места, я интересовался.

— Ага. То есть с картами Руны ты в целом знаком.

— Нет, я же сказал: с картами областей, где могут быть спрятаны наши Реликвии. Чего ты от меня хочешь?

Тут Феррис уставилась на дорогу.

— Где-нибудь рядом, я полагаю, найдется ночлег. Скажи, успеем ли до ночи отыскать его, если продолжим идти в этом направлении?

— Э... — Райнер бросил взгляд вдоль дороги до самого горизонта. — Не уверен... Легенды этих мест мне не встречались. Сама подумай: ведь это империя Руна, так? Здесь, в отличие от Роланда, над всем властвует религия.

— И что с того? — возразила Феррис. — Ты мне голову не морочь. Если только не хочешь сказать, что совсем не ориентируешься.

— Я это и имею в виду, — кивнул маг. — В любом случае, Руна — особенная страна. Ее жители веруют в могущественное сверхъестественное высшее существо, то есть в Бога. И даже местные маги черпают силу Божью для заклинаний. Вот почему, как поясняют роландские исследователи, магию Руны неверующему не осилить.

— Оу. Весьма досадно, — отметила девушка.

— Еще бы. Раз без веры нельзя колдовать, то я в пролете. Даже с моими глазами, — с этими словами Райнер указал на свои глаза — темные, вечно сонные и совершенно особенные. Узоры пентальф, как правило, оставались почти незаметны — едва можно разглядеть, но сейчас они засияли в его глазах алым цветом. — Другими словами, даже когда Альфа Стигма распознает магию Руны, повторить ее я не смогу.

Все именно так: его удивительные глаза были способны считывать магию, присваивая и копируя в долю секунды. С их помощью Райнер мог легко узнать даже самые специфические заклятия.

— Я вообще не верю в богов как таковых. А значит, о магии Руны можно смело забыть. Так или иначе, если Бог действительно существует, то зачем повсюду война? Почему людям так хреново живется? Существой Бог на самом деле, в мире все были бы равны, и спали после обеда, и жили распрекрасно, разве нет?

Но у Феррис уже был готов ответ:

— А вот и не так. На самом деле все просто: у Бога, если Он есть, своих дел хватает. Ему некогда хлопотать о маньяках вроде тебя и о глупых завоевателях.

Вот на это Райнер кивнул с явным одобрением.

— Очень странно, что мне нечего возразить... Хотя нет, возражу: отчего я все время маньяк?! Хотел бы я привести кучу доводов... Но, будь я всесильным Богом, то мне бы нафиг все это не сдалось. Я бы спал все свободное время после обеда и не тратил его на безмозглых людишек.

— Хм. А я бы посвятила себя данго. Вообрази: все до одной лавки торгуют данго. И за работу в стране платят данго. А все земельные споры решают не на войне, а на кулинарной битве. Весь куш достанется той стране, чей данго-повар будет признан лучшим. Вся прелесть в том, что отличившихся поваров удостоят права готовить данго специально для меня. И тогда все самое вкусное будет моим! Да, следующий год объявим Годом трехцветного данго... А то, что с

начинкой...

Слушая, как она горделиво бормочет себе под нос, Райнер только сказал:

— Фантазия заводит тебя слишком далеко.

— Согласись, Богу можно только позавидовать.

— Особенно когда у самих дел по горло... — вздохнул маг. — Все, помечтали и хватит. В общем, империя Руна тем и отличается, что здесь религия особенно влиятельна. И, разумеется, с ней так или иначе связаны все местные легенды.

— О. Например?

— Например... — кивнул Райнер, — «...посланцы Божии несут благую весть прославленным вельможам, чтоб правил сей...», или «...сошел к нам Демон, в наших силах лишь изгнать его молитвами...» Ну, и так далее. Авторами большинства историй являлись короли, правившие в те времена: они прославляли свои деяния и тем самым защищали Руну... Хотя врал, конечно, с три короба. В основе таких легенд всегда лежит принцип боговластия.

— Вот как. И что это может значить?

— Это значит: события большинства легенд происходят в столице и у предместий, ибо там проживают члены королевской семьи. Поэтому я и знаю карты тех мест. А вот где мы сейчас, я не в курсе. Так как я могу сказать, куда мы придем?

— Выходит, ты в самом деле морочишь мне голову. Жить стало в тягость?

— Ну, знаешь... Да ты и сама хороша. Сама заблудилась, верно?

Феррис помотала головой:

— Нет, я...

Но Райнер уже обо всем догадался и уставился на нее тяжелым немигающим взглядом. И отчего-то Феррис вдруг покраснела, чего никогда прежде не делала, и сама отвела глаза.

— Давай... давай не будем об этом.

— Эй, обычно ты говоришь нечто вроде «нет, ну я же красавица». Скажешь, вру?

— Я... вовсе не думала так отвечать.

— А еще ты вся покраснела.

— Я не... Тебе показалось. Это все закат, — ответила девушка, чье фарфорово-белое личико еще секунду назад было малиновым.

— Ладно, — ухмыльнулся Райнер, — тему замяли. О, вон перекресток, кажется... И дорожный указатель.

Они подошли поближе. Одна стрелка с названием населенного пункта смотрела вправо, другая — влево.

— Вижу, — произнесла Феррис. — Если верить этому указателю, направо должна быть деревня, именуемая Реджит.

— А слева храм, — продолжил Райнер, — вроде храм Церкви Ашбег. Куда пойдём? По мне, раз такое дело, мы должны пойти в храм и попросить ночлега. Нам повезло, что Роланд с Руной союзники. Придём, блеснём роландскими эмблемами, и нас пустят за милую душу.

Мечница выразила согласие:

— Правильно. Зная, что объединённая армия Роланда и Эстабула сильнее даже армии Руны, местные нарываться не станут. Никто нас не выставит. Только... — Феррис вдруг осеклась.

— Ну же! Чего «только»? Чего такое? — снесало Райнера любопытство.

— Вон, — она указала на землю, — отвалилось. Видишь?

Парень уставился, куда Феррис ткнула пальцем — на ещё одну стрелку указателя. Должно быть, слетела из-за паршивых крепежей. На поверхности красовалась следующая надпись:

«Деревня Реджит проклята демоном, посему до окончания священно-очистительной процедуры въезд в нее воспрещается.

Путешественникам, пересекшим границу империи, хода нет. Ступайте к ашбегскому храму.

<right>Военное командование империи Руны.</right>

Напарники переглянулись.

— Проклята...

— ...демоном? — Райнер нахмурился. — Вот так ситуёвина. Значит, будем держаться подальше от Реджита, с нечистью шутки плохи. Раз предупреждают об опасности, то не будем соваться. Мы все равно собирались в храм Ашбег. Ну, пойдём уже!

Только было он повернул налево, как его лихо развернула рука Феррис.

— Серьёзно? Бога ты не боишься, а демона испугался?

— Да боже мой, — снова сдвинул он брови, — сама-то подумай! Мы еле-еле перебрались через пост, и я очень устал. А теперь мы потащимся выяснять, что за демон терроризирует деревеньку? Потом окажется, что здесь замешана какая-нибудь Реликвия, с ней ещё разбираться... Намучаемся, как пить дать. Так что давай двигать в сторону храма, отоспимся дней тридцать, а там уж я, если буду в настроении, прикину, что да как...

«Дзынь!» — послышался в тот же миг знакомый резкий звон: это Феррис молниеносно сняла с талии меч и пощекотала им шею Райнера. И маг грустно произнес:

— Сам знаю... Другого и не ожидалось. Только въезд все равно запрещен, и наше появление будет весьма некстати. Вот что, сегодня мы точно туда не пойдём. Завтра. Завтра тебя устроит? Потому что сегодня мы идем в храм!

Однако Феррис выдержала паузу. Райнер сдался первым.

— Шучу я, шучу! А и правда, что же это за демон? Тебе не интересно? Мне вот жуть как интересно! Стало быть, к черту сон, работаем в ночную смену! Прошу тебя, больше незачем вдавливать меч в плечо...

Все так же молниеносно девушка вернула оружие в ножны.

— Ну, раз тебе охота ломаться, — сказала она, — то и мне придется. Скорее в Реджит.

Услышав это, Райнер закатил глаза:

— Получается, если бы это я две минуты назад предложил пойти в Реджит, ты бы руку мне отсекла? Как можно быть настолько бесчеловечной?!

Но та уже свернула на выбранную дорогу:

— Как можно взять и отсечь другому руку?

— Ври больше! — догнал ее маг. — Именно это ты и хотела сделать!

— Нет, правда, — покачала Феррис головой, — не нужна мне твоя рука. Ты ведь не умрешь, если ее отнять, а без этого — какое веселье? Вот я и решила, что рубить надо голову.

Райнер схватился за голову еще до того, как она замолкла.

— Да у нас тут и без реджитов своя нечисть!

— Хм? Ты что-то сказал?

— А? Нет-нет, я вообще молчал. И все-таки что там за демон такой...

Беседуя, роландцы направились к проклятой деревеньке.

...

Нынче же все происходило в величественном здании, прекраснее которого не было в целом Роланде. Изысканные интерьеры в громадных залах — и бдительная стража повсюду, чтоб муха не проскочила. Весь этот антураж порождал ни с чем не сравнимое впечатление, чего и пытались добиться зодчие, строившие дворец роландских королей.

Среди шика и роскоши, в возмутительно простенькой комнате, гробил себя влиятельнейший трудоголик. Груда бумаг возвышалась на рабочем столе, из-за которого он не вставал почти сутки. Подписав документ, он потянулся к следующему: «Эх, а здесь у нас...»

Вот сузились золотые глаза, отражавшие красоту и вместе с тем неукротимую волю. Серебряная коса, приятное молодое лицо — Сиону Асталу было всего девятнадцать, но он уже сидел на престоле империи Роланд и вел себя прямо по-королевски. И ничем он не напоминал бастарда, рожденного королевской наложницей, нет, он сумел вознестись на вершину армии Роланда, проявив беспримерную гибкость ума. Это качество пригодилось ему и после войны с Эстабулом, когда Сион разжег огонь революции, свергнул венценосного тирана, стал Королем-героем, спасителем Роланда...

Сион от природы был очень харизматичен, уверен в себе и приятен внешне, так что народ в

нем души не чаял. А если вспомнить успешное подавление недавнего Эстабульского мятежа... Он поступил безошибочно, что не под силу личности заурядной. И чем дольше он правил Роландом, тем больше подвигов было на его счету...

По крайней мере, так говорили на улицах.

— Эх...

Сион выдохнул, оторвавшись от дел. И впрямь, откуда бы населению знать о целом ворохе неурядиц? А их было несть числа.

— Если подумать... С такой нагрузкой мне уже и не хочется быть королем, — пробурчал Сион и кисло улыбнулся. В действительности, проблем скопилось не меньше, чем бумаг на рабочем столе. Целые горы и тех, и других.

Восстанию в захваченном Роландом Эстабуле положила конец леди Ноа Эн — дочь короля Эстабула и знаменитость даже среди дворян и жителей Роланда. Она примкнула к Сиону, и теперь он сетует, просматривая отчеты и рапорты о ходе расследования финансовых и прочих преступлений роландской знати. Дела обстояли хуже некуда. Хуже, чем он себе представлял. Дворяне явно не собирались считаться с королевской властью в лице Сиона и чинили самоуправство. Что, впрочем, неудивительно: в годы правления короля-тирана дворяне были вольны делать все, что вздумается. Поэтому даже сейчас некоторые из них имели больше влияния, чем Сион. Но изображали видимость повиновения. «Чертова оппозиция...»

Как бы там ни было, он не сладит с целой страной, если не справится с этими сумасбродам.

Но это была лишь одна из проблем. Также его беспокоила внезапно возникшая суматоха в сопредельных странах. Но попытки улучшить с ними отношения ни к чему не приведут, пока не решены внутренние дела. Дворяне обязательно воспользуются этим, чтобы...

— Эх... — Сион снова вздохнул, прижав ладони к вискам.

И в этот момент что-то гроыхнуло и вывернуло из-под него стул. Король, не сумев сохранить равновесие, с воплем сверзился на пол.

Предмет мебели находился с ним в интригующей позе. Сион поднял глаза, полные муки, желая понять, кто же это сумел незамеченным обойти строгие меры безопасности (через которые, как мы помним, и муха-то не проскочит) и заставил пасть ниц самого короля.

Он увидел перед собой прелестную девочку с милым личиком и чудесными светлыми волосами. Одета она была в кружевное платье, а в руках у нее был не слишком подходящий к нему рюкзачок.

— А, Ирис... Добро пожаловать, — простонал Сион. — По пути из Нельфы ничего не случилось?

— Нет! Можешь не бояться! — выпалила Ирис, энергично замотав головой. Тот, напротив, кивнул с облегчением и неспеша поднялся.

— Тогда позволь узнать, чем тебе так досадил мой стул?

Ирис немного замялась.

— Ну... ничем... Просто сестренка Феррис попросила меня это сделать! — радостно сказала

она. — Ирис молодец? Скажи, молодец?

Глядя, как Ирис выпрашивает похвалу, Сион ухмыльнулся.

— Конечно, молодец. А все-таки зачем Феррис понадобилось свернуть мой стул? Ты не спросила?

— Спросила, — кивнула та. — Все из-за... охов-вздохов!

— Охи... вздохи? А что в них странного? Ведь если не дышать...

Вдруг Ирис молниеносно прикрыла ладошкой его рот.

— Вот именно! Нельзя тебе дышать! Нельзя!! Ирис точно знает! Ты устал, ты вздыхаешь, но от этого еще больше устаешь! Сестрица сказала, что если вздохнешь три раза, тебя от усталости свалит!

— Вот ведь Феррис, — пробормотал Сион с кривоватой улыбкой, — снова учит ребенка невесть чему...

— Поэтому я спешила сюда со всех ног! — самодовольно заявила она. — Братец Сион собирался вздохнуть в третий раз! Пришлось опрокинуть стул! Так я молодец?

— Ну, в общем... — он улыбнулся наивной девочке. — Да, ты спасла меня от ужасной гибели. Премного благодарен.

— Хе-хе-хе! Как же здорово, когда хвалят! И сестренка тоже меня похвалит! Сестренка сказала, что братец Сион в последнее время ведет себя как... как... ну... как хамло и эгоист! Или, может, деспот... Точно не помню. В общем, сказала, что из-за этого ты страшно занятой и много вздыхаешь. Так что я должна это прекратить! Несмотря на твои угрозы и причитания.

— И этим Феррис думала поднять мне настроение? Нет, да она просто издевается...

Король, обнимая себя за локти, долго над этим раздумывал, но так ни к чему и не пришел.

— Хм-хм... Кто знает, что в ее голове? С Феррис, как всегда, не соскучишься. Ну да ладно. Ирис, — обратился он, — где там отчет от нашего Райнера?

Та снова закивала, вынула из рюкзака блокнот и протянула Асталу. Он уже знал, что найдет под обложкой ворох малопонятных каракулей, так называемый «шифр Ирис». Однако в последнее время Сион мало-помалу мог его расшифровать.

Вот здесь изображена крылатая ангелица, истязаяющая слюнявого пса; а вот ангел надевает на пса ошейник и водит за собой...

— О, я знаю, — сказал Сион, — прекрасный ангел — твоя сестра Феррис — наказывает дикого зверя, то бишь Райнера. Вот же она, тащит его на привязи, верно?

— Верно! — кивнула девочка — Молодец, братец Сион!..

Слушая дифирамбы, Сион перелистывал страницы. Наконец, он снова увидел дивного ангела, а рядом с ней зверя, который держал в лапах нечто, напоминавшее клешню краба.

— Э? А этот что означает? — спросил король.

— А это... Это-это-это... Это как клешни и панцирь краба, в смысле, оружие и броня! Дикий зверь и сестренка надели их, чтобы легко пересечь границу!

Услышав это, Сион на мгновение помрачнел.

— Броня, чтобы перейти через пограничный пост?.. Доспехи и мечи... Неужто экипировка магов-рыцарей Нельфы? Эти двое раздели магов-рыцарей... чтобы выехать из страны... — Но тут же он успокоился: — А вообще-то, довольно умно. Мы только-только наладили контакт с Нельфой после той поездки. Нам едва удастся сохранять мир, а из-за разборок с пограничниками все может пойти прахом. Эх...

Едва он набрал воздуха в грудь, как Ирис вперила в него свои чистые голубые глазищи.

— О, нет-нет, не вздыхаю!

— Точно? Вот и не надо, братец Сион! Если ты умрешь, мне будет так одиноко...

Сион с улыбкой дотронулся до ее макушки.

— Знаю. Но я не умру и тебя не оставлю. Но ты тоже, слышишь? Ведь случись что с тобой, разве я не буду грустить?

— Что? — на ее лице проступило непонимание. — Ирис не умрет!

— Конечно нет! — Сион продолжал улыбаться. — Но только если не станешь подвергать себя опасности. Если ты умрешь, Феррис будет очень горевать, так что нужно беречь себя. Вот что, возвращайся домой и отдохни хорошенько. Ты, должно быть, устала с дороги. Наберись-ка сил, не то сестра очень расстроится.

— Ах! — Ирис пришла в ужас. — Сестренка расстроится?! Только не это! Я-я-я уже иду спать! Прямо сейчас! Братец Сион, скажи ей, чтобы не расстраивалась! Не забудь! Все-все, спокойной ночи! — и она выскочила в окно, даже не дав ему ответить. Сион оцепенело смотрел ей вслед.

— ...Ух ты. А все-таки пора прекратить вздыхать. Раз Ирис это не нравится...

Затем он поднял упавший стул, поставил на прежнее место, сел и с головой ушел в работу.

Но тут к нему постучались. Не в окно, а в дверь.

— Сион, это я, — сказал с некоей дерзостью человек за дверью. После чего вошел, не дожидаясь позволения, этот высокий огненно-рыжий мужчина с глубокими морщинами на лице. Телом он был крепче стали. Глаза у него были красные в тон волосам.

Это был двадцатипятилетний генерал-майор Клаус Клом. Во всем Роланде он единственный, не считая Райнера с Феррис, позволял себе обращаться к Сиону на «ты». Клаус уже тогда, во время службы в армии, берег его шкуру, будучи всего лишь адъютантом. Нынче же имя талантливого военачальника Клома было у всех на слуху.

Сион смотрел на него, прищурившись. Увы, но лучший клинок армии Роланда и правая рука короля Сиона Астала давно перерос свой чин генерал-майора. Повысить его по службе Сион не мог (этот факт лишний раз подтверждал его неустойчивое положение во власти). Клаус вполне заслуживал звания генерала, да только высшие эшелоны целиком занимала знать. Впрочем, имелся прецедент, который мог бы сыграть ему на руку: раньше генералом войск Роланда уже

назначали выходца из народа — и это был сам Сион. Простые солдаты последовали за ним, а он и теперь, властвуя над страной, продолжал завоевывать их любовь. Они же помогли ему приструнить знать.

Казалось, впереди их ждут тихие времена... Тем не менее, в командирах по-прежнему ходили представители дворянства, которые шпыняли солдат почем зря, и последним оставалось только надеяться и верить, что однажды власть короля над знатью станет абсолютной.

Согласно рапортам, со стороны дворян, настроенных против Его Величества, участились случаи жестокого обращения с верными Сиону людьми. Вот поэтому оппозицию все еще не удавалось прижать...

Пока Сион размышлял об этой проблеме, Клаус уставился на него:

— Та-ак, эта твоя мина дает повод подозревать, что мне сейчас здорово нагорит.

— Хм? Неужто я выгляжу так сурово? — удивился Сион.

— Нет, напротив. По привычке улыбаешься, а людям от этой улыбки тошно. Беспокойства стараешься не показывать, в гроб сам себя загоняешь, помочь не даешь. А другие переживают.

Сион печально улыбнулся:

— Зачем же переживать? Что я, немощный?

— Ты проблемный. Вот перестану я за тобой приглядывать — и все, считай, Сион упался вусмерть. Ну-ка отвечай: как давно ты тут вкалываешь?

Король пожал плечами:

— Да я, в общем, только сел...

— Неправда! — прервал его человек, вошедший в эту секунду в кабинет. — Не верьте ему, Клаус! Господин Сион никогда правды не скажет, потому как знает, что мы будем волноваться. Но Эслина лично мне доложила, что господин Сион ни разу головы не поднял за последние пятнадцать часов!

А этого стройного юношу с вьющимися светлыми волосами и изумрудными глазами звали Калне Кайвелом, и он так же, как и Клаус, являлся прославленным офицером Сионовой свиты. Вслед за ним появилась девушка в светлом платье — само умиротворение! Ясные голубые глаза, приятное лицо, красивые рыжеватые волосы, ниспадающие на плечи... Эслина Фолкал. Ее старший брат, Фиоле Фолкал, служил у Сиона секретарем, но был убит негодующими членами оппозиции. Эслина унаследовала его должность и стала еще одной из подручных Сиона... Но что же это выходит? Она следила за ним по просьбе Кайвела? Короля это не обрадовало.

— Калне, приставлять ко мне надсмотрщиков... Ты и в самом деле вынудил Эслину?

Калне выпятил грудь колесом:

— О здоровье вашем забочусь! Замечу, что только Эслине можно доверить столь важное и ответственное поручение. Стоит нам отвернуться, как господин Сион пускается во все тяжкие! А ведь если вам случится переусердствовать, Фиоле расстроится и спустится с небес! Верно,

Эслина?

Та лучезарно улыбнулась:

— Да! Одумайтесь, Ваше Величество! Пожалуйста, не огорчайте моего брата.

Апеллируют к покойному?

— Эх, и ради чего вы накинудись всей толпой? — Сион насупился.

— Имея настолько преданных товарищей, — вмешался чистый голос в их разговор, — король Роланда, должно быть, счастлив.

В кабинет вступила барышня с длинными синими волосами (таких в Роланде больше и не сыщешь). Синева ее глаз, прелесть черт, достоинство в каждом движении и стойкость во взгляде... В свои семнадцать лет эта девушка могла похвастаться завидным упорством и недюжинным умом.

Наследница королевства (а ныне провинции) Эстабул. Леди Ноа Эн.

Она раскаялась в том, что удерживала заложников в ходе последнего Эстабульского мятежа. Сменила сторону мятежных дворян-эстабульцев на сторону Роланда, была названа героиней. Получила титул роландской аристократки, в то время как Эстабул навсегда утратил суверенитет.

Но то была официальная версия. Хотите знать, что случилось на самом деле?

Пока армия Роланда штурмовала последний оплот мятежников, Ноа Эн требовала отпустить заложников, а позднее сдалась роландскому командованию, приняв титул, клеймивший ее предательницей. И хотя выбор был непростым, он был сделан ради всех жителей Эстабула.

— Однако... — Ноа твердо взглянула на короля, — в эти нелегкие времена империи нужен владыка. Который не станет упрямыться и ухудшать здоровье излишней работой. Не так ли, Ваше Величество?

Сион, в свою очередь, посмотрел на нее:

— Как жаль, любезная леди Ноа, что я на ваших глазах угодил в столь неловкое положение. Я давно не имел удовольствия видеть вас. Полагаю, вас привело ко мне важное дело?

— О нет, Ваше Величество, я искала не вас, а генерал-майора Клома. Мы договаривались вместе поужинать, но он так и не появился. Я решила больше не ждать и найти его самостоятельно. Мне сказали, что его видели здесь...

И тут раздался измученный вопль:

— Калне, который час?!

— Э? Ну, семь вечера... Клаус, во сколько вы с леди Ноа условились встретиться?

От этой вести Клаусу стало совсем дурно.

— В пять часов...

— ЧТО?! Два часа?! Вы заставили этого ангела... То есть... Прошу прощения, не сдержался. Но опоздать на целых два часа...

— Цыц, Калне! В общем... Леди Ноа... я все объясню...

Но та сохраняла доброжелательный вид:

— Я понимаю. Разумеется, генерал-майор Клом, вы занятой человек, так что я не в обиде.

— Я... я... Да, верно. Столько дел, никак не вырваться...

— Между прочим, воспитанный человек предупредил бы даму, что может задержаться, — пропел Калне.

— Все сказал? Будь у меня время, я бы обязательно так и сделал!

Тут Ноа закивала:

— Право, Калне... Все же знают, что у генерал-майора Клома едва достает времени на общение с многочисленными дамами сердца; вполне логично, что оставшееся он тратит на служебные обязанности, а не на такую, как я...

Клаус только закрыл лицо руками.

— О боже... Так, ладно... Сион, ты отдыхай, а я пойду, да? Столько дел... — с этими словами он схватил Ноа за руку и потянул за собой.

— Ах! Ну, раз так, то... до скорого, Ваше Величество! — успела пощebetать она.

И они покинули кабинет. Впрочем, из коридора все еще доносилось:

— Умоляю, не сердитесь, что так вышло...

— Ах-ха-ха! Я всего лишь пошутила. Однако вы и представить не можете, с каким нетерпением я жду ужина. И потому вас стоило капельку раздражить...

— Да будет вам...

Их голоса постепенно удалялись и наконец совсем стихли.

Кто бы мог подумать, что леди Ноа и спасший ее генерал-майор так хорошо поладят? Пожалуй, одному только Клаусу она полностью доверяла. Сион, Калне и Эслина переглянулись, а затем рассмеялись.

— Нет, вы видели его физиономию? — хохотал Сион. — Столь же неистовая, сколь и нелепая! С той поры, как мы знакомы с Клаусом, я впервые вижу его таким!

— Как и я, — закивал Калне. — Клаус, хоть он и не самый галантный кавалер, всегда хранит невозмутимый вид.

— А что, если у них роман? Если так, то они могли бы составить друг другу достойную пару, — оживилась Эслина, явно отставив в сторону скромную роль прислуги.

Сион скрестил руки на груди:

— Твое мнение, Калне?

Кайвел тоже всерьез озадачился.

— Гм, что я могу сказать... Подобный расклад внушает мне некоторые опасения.

— Пояснишь?

— У Клауса свои сложности в общении с противоположным полом, но он не создан для серьезных отношений. Вернее, если бы и нашлась для него возлюбленная, долго у них не продлится.

— А почему? — склонила голову Эслина.

— Хотел бы я знать ответ... Клауса спрашивать бесполезно, но лично я думаю, что понимаю его. Мы, офицеры, всегда можем пасть в бою, поэтому лучше нам не заводить семей.

— Как это ужасно... — опечалилась девушка. — Мне очень жаль его близких, господин Калне... И ваших жаль.

Калне кивнул:

— Впрочем, теперь в Роланде поспокойнее. Может, и нам стоит остепениться... Говоря «нам», господин Сион, я и вас имею в виду!

— Одну минуту! При чем здесь я? — насупился король.

— Это дело государственной важности! Спросите любого: можно ли, чтоб династия, берущая начало от блистательного Короля-героя, на нем же и прервалась? По-вашему, это шуточки? Если вас вдруг не станет (что, конечно же, совершенно исключено!), то империи несдобровать. Ради мира и спокойствия в Роланде — можно и поломаться! Без вас и ваших продолжателей война со знатью будет проиграна, и мы вернемся в эпоху королей и дворян, снедаемых желанием повелевать нами по своему усмотрению... Вот поэтому... — и Калне победно улыбнулся, — нужно женить вас как можно скорее! Дашь наследников! Как насчет небольшого вечера одиноких сердец? Сосватаем вас какой-нибудь дамочке...

Эслина, поймав выразительный взгляд Кайвела, быстро добавила:

— Ваше Величество, от свидания вслепую еще никто не умирал. Все будет в лучшем виде.

— Отставить приготовления! — запаниковал Сион. И, к своему ужасу, увидел довольные улыбки на лицах подчиненных.

— Не волнуйтесь, к теме вашего брака мы еще вернемся, — пообещал министр, — а теперь срочно покиньте рабочее место и ступайте в кровать, пока не околели.

— Позвольте хоть рапорт дочитать! — взмолился король.

— Ну уж нет, — Калне был неумолим. — Эслина постелила вам в соседней комнате. Чем быстрее окажетесь под одеялом, тем лучше.

— Угх... Вот же хитрец. Ладно, уговорили. Я иду спать. А завтра, вот увидите, навалится еще прорва работы...

У Кайвела совсем отлегло от сердца.

— Наконец-то! Теперь я могу спокойно пойти и пообедать. Ах да, в последнее время — вот странность, — я вижу во снах Фиоле, который зудит про ваш дневной рацион и про все остальное... Но сегодня ворочаться мне не придется. Вам, надеюсь, тоже. Все ясно? Идем, Эслина, угощу тебя обедом.

— О, правда? Большое спасибо!

Сион беспомощно наблюдал, как они выходят в коридор.

— Интересно, Калне, — пробормотал он, — а не «зудел» ли Фиоле в числе «всего остального» про тебя и его сестру?..

Сказав так, он решил вернуться к работе, но... Но рука с пером, зажатым в пальцах, вдруг замерла. И Сион поднял взгляд в потолок:

— Ладно, сегодня я отдыхаю. А то ведь не дашь бедному Калне поспать... — хохотнул он, собирая просмотренные бумаги в ровную стопочку. Но едва король встал со стула, как в кабинет постучали. — Хм? Кто там?

Уходя, Калне забыл прикрыть за собою дверь, и в проеме теперь виднелась чья-то фигура.

— Прошу прощения за бесцеремонное вторжение, мой лорд. Дверь была не заперта, — раздался вежливый голос, полный ледяного спокойствия. Сион прищурился и вновь опустил на стул:

— Ты, Фроаде?

Он вошел, длинноволосый и мрачный, высокий, как Клаус, но при этом более стройный. У него на руке было диковинное черное кольцо. Красота этого человека заставляла затаить дыхание... но самое прекрасное в нем — темно-синие очи — были мертвенно холодны. Рискнувшие попасть под их прицел застывали в страхе.

Полковник Миран Фроаде особенно выделялся из всех подчиненных Сиона. По долгу службы он очень усердствовал, чтобы однажды Сион Астал правил не только Роландом, но и всем континентом Менолис. Он говорил, что путь тирании — темный и грязный путь, и бремя этой тьмы он возьмет на себя. Работая на Сиона, он выполнял все задания до тошноты безукоризненно и нередко проявлял излишнюю инициативу. На него-то и возлегла работа, которая раньше доставалась Фиоле, не говоря уже о грязных делишках, за которые покойный ни за что бы не взялся. Миран Фроаде всегда выбирал наиболее эффективный метод, притом число жертв его не заботило. Сложный был человек.

Клаус тоже это понимал, потому и испытывал к Фроаде искреннюю неприязнь.

— А Ваше Величество пользуется спросом, — холодно улыбнулся вошедший полковник. — Надеюсь, что вы приятно провели с ними время вместо того, чтобы работать.

Сион нахмурился.

— По-моему, я слышу сарказм? Мне казалось, что ты одинаково ненавидишь Клауса, Калне и перерывы на обед.

— Не поймите меня неправильно, — покачал головой Фроаде, — никакого сарказма. Возможно, я и впрямь недолголюбиваю генерал-майора Клома и полковника Кайвела... Но при этом я высоко оцениваю их умения. Клаус Алая Рука знаменит далеко за пределами империи. А полковник Кайвел является превосходной пешкой в разыгрываемой вами партии.

Да, именно так он и сказал. Фроаде не скрываясь говорил то, что думал о «пешках» Клаусе и Калне, прямо в лицо Его Величеству.

Смелый был человек.

Сион мрачнел прямо на глазах, и полковник поспешил исправить ошибку:

— И, должен признаться, они хорошо умеют то, что мне дается с трудом, — помогают королю развеяться.

У короля эти слова вызвали печальную улыбку.

— Не трать силы на бессмысленные оправдания. Я прекрасно знаю, что ты думаешь о моих подчиненных. Для тебя, приверженца тирании, они мелкие сошки, не правда ли? Из тех, кого ты без раздумий убережешь с пути, если они перестанут приносить пользу, и неважно, кто тебе противостоит. Станный ты человек... Но ты несешь на себе этот груз, эту тьму, которая мне непосильна. И я не могу тебя осуждать.

Фроаде ухмыльнулся уголком губ. Его хладнокровный вид сменился торжествующим.

— Я поистине счастлив принять столь щедрые похвалы.

Астал пожал плечами.

— Итак, с чем ты пришел ко мне сегодня? Я прочел твое заключение, как ты того и хотел. Вот оно, передо мной.

— Сожалею, что это отняло у вас время, — вновь склонился Фроаде. — Так что же...

Он будто хотел о чем-то спросить, но вместо этого молча уставился на Сиона своими мертвыми глазами. В этот миг усталый Сион думал о своем. Фроаде очерчивал круг насущных проблем: лидеры стран Менолиса постепенно вступали в игру, и среди них наибольшее беспокойство вызывала крохотная молодая империя Гастарк, вторгшаяся в военизированный Стоул. Гастарк расширил границы влияния, захватив несколько мелких государств, что спровоцировало гонку вооружений по всему континенту. Это был первый звоночек, возвещавший невиданных масштабов конфликт. И теперь даже относительно спокойный Юг рискует быть втянутым в боевые действия. Тогда и Роланд не останется в стороне. Особенно в нынешнем состоянии.

— В настоящее время Роланд не может конкурировать с другими странами в плане военной мощи, — вдруг произнес Фроаде в унисон с мыслями короля. — И присвоение Эстабула с помощью Ноа Эн не приблизило бы нас к северной империи Стоул. Анализируя ситуацию, я вынужден признать, что этот Гастарк представляется неодолимым хотя бы потому, что продолжает атаковать позиции Стоула. Так обстоят дела, и теперь...

— И теперь... — Сион вздохнул и договорил за полковника: — Роланд уязвим, поскольку внутренние проблемы не дают ни усилить армию, ни расширить территории. Любая военная операция может стать предлогом для оппозиции, чтобы лишить меня власти...

Тут Сион заставил себя замолчать. Страна, которой неведомо, что такое война, страна мирная и прекрасная, где все живут счастливо, — ради такой страны Сион стал королем. Ради такой мечты он убил своего отца, сторонника бессмысленного насилия. Да только мечта никак не желала становиться реальностью...

Фроаде спокойно продолжил:

— Наша главная задача — это скорейшее укрепление Роланда. Пришло время отнять власть у дворян и создать процветающую империю Роланд, а не просто видимость таковой. Для этого необходимо как можно быстрее...

«Провести чистку, — о, Сион знал, что Фроаде имеет в виду. — Убить всех дворян».

— Все это уже есть в моем рапорте, — произнес Фроаде. — Мы должны выразить готовность сотрудничать с аристократией. Соглашаться с ними во всем, делать вид, что все стало как раньше, когда при королевском дворе совершалось мздоимство и взяточничество...

— И тогда дворяне ослабят хватку, — нахмурился Сион, — а мы, усыпив их бдительность, покончим с ними... Так?

— Это способ мгновенно решить все наши проблемы, — кивнул полковник.

— А что же народ? — король посмотрел ему прямо в глаза. — Даже за то короткое время, пока будет длиться спектакль, многие могут пострадать. Люди будут умирать с голоду...

— И что с того? — прямо сказал Фроаде. Число жертв по-прежнему волновало его в последнюю очередь.

Сион думал долго. И наконец он понял, что ему действительно стоит взять пример с Фроаде. Для короля его подданные — это просто число в графе «Население». Спасать Роланд придется ценой многих жертв, без которых, увы, никак не обойтись.

Сион Астал знал, что так будет, с самого первого дня своего правления. И теперь судьба целой страны зависела от того, претворит ли он в жизнь этот циничный замысел.

Но если так...

Фроаде прищурился. Когда он заговорил, его голос был по-прежнему ледяным:

— Вижу, вас гложут сомнения? Что ж, тогда рассмотрим другие варианты. Итак... Вы на редкость блистательный правитель. Вашими стараниями Роланд уверенно стремится к наивысшей точке своего развития. Ваша политика пойдет на пользу всему народу, и вот тогда старинным родам станет не до смеха. Они покорятся вам. А вы продолжите постепенно менять страну, пока за вами не последуют все до единого. Однако все вопиет о том, что вражеские войска окажутся здесь намного раньше.

Да, такова была злая реальность. Это он тоже знал. Враги уже были рядом — если верить Райнеру, некие чужеземцы тайком проникли в империю Нельфу. Так что времени мало. Пора наконец что-то решать.

След улыбки возник на лице Фроаде.

— Но сегодня вам следует отдохнуть. Прошу, не изнуряйте себя чрезмерной работой. И знайте,

мой лорд, все зависит только от вас... Что бы вы ни решили, я смиренно повинуюсь вам. Надеюсь, вы как следует все обдумаете.

Миран Фроаде с поклоном ушел восвояси.

Сион еще очень долго смотрел в пустоту. Молча. Не шевелясь...

...

Остановившись во внутреннем дворике недалеко от поместья, леди Ноа Эн невольно залюбовалась ночным небом и мерцавшими на нем звездами. Она была в приятном расположении духа, но говорила чуть-чуть устало.

— Ну и припозднились же мы...

— Хм? — услышал ее Клаус. — Надеюсь, это не сарказм по поводу того, что я опоздал на ужин?

Изумленная Ноа обернулась. Клаус Клом неторопливо шел позади, на вид очень смущенный.

— Что вы! — и она улыбнулась. — Неужто похоже, что я из тех девушек, которые обижаются по пустякам?

Но Клаус, по-видимому, еще сильнее встревожился.

— Ну, женщин не так-то легко понять...

— Думаю, вы разбираетесь в женщинах, генерал-майор Клом.

— Я же просил не называть так официально. Можно просто «Клаус».

Ноа со счастливой улыбкой вновь запрокинула голову, чтобы взглянуть на небо.

— Я вовсе не обижаюсь. Просто, гуляя, я редко задерживалась допоздна. Да еще в такую прекрасную ночь... Признаться, я даже немного растеряна. Хотя все еще помню, каково быть эстабильской принцессой...

Лицо Клауса исказилось всего на долю секунды. Ноа даже не нужно было смотреть на него, чтобы это почувствовать. Она вновь улыбнулась, прищулив синие глаза. Да, она была принцессой по праву рождения, но ее королевство пало. Из-за Фроаде. Из-за него мертва вся ее свита. И он бы убил и саму леди Ноа, да только Клаус вовремя подоспел.

А ведь она могла уйти на тот свет как преступница, угрожавшая роландским и эстабильским заложникам... Этого не случилось только благодаря Клаусу. Так почему же он вечно смотрит на нее виноватым взглядом?

Впрочем, Ноа была этому рада. Нет, ей вовсе не нравилось, когда ее жалели, — жалость могла отравить ей жизнь. Но теперь, когда Роланд взял себе Эстабул, она радовалась, что с нею был Клаус Клом, правая рука самого Короля-героя. Как и другие сподвижники короля, он хорошо понимал, о чем может горевать простой народ, и, более того, ценил человеческую жизнь.

Ей было известно, что править страной означает всецело распоряжаться жизнью каждого ее жителя. Порой, спасая миллион своих граждан, король вынужден жертвовать сотнями — и это нормально. Ведь мир не состоит из одних прекрасных вещей, таких как звездное небо, вот и страна без пятен — это утопия. Поэтому рядом с правителем, думала Ноа, должны быть такие

люди, как Клаус Клом. Чтобы поддерживать и ограждать от чужого высокомерия, насмешек, коварства... Чтобы просто радоваться жизни.

Идеалисты всегда должны быть подле короля. А Клаус, он очень нужен этой стране. Отчаянно нужен тем, кто желает мира, и тем, кто, покинув Эстабул, хочет жить счастливо. Будь все люди такими, как Миран Фроаде с его идеями, страна была бы обречена.

А это значит...

Ноа покосилась на Клауса. Еще недавно весь Эстабул боялся Клауса Алую Руку, как самого дьявола, настолько он был могуч. Но оказалось, что Клаус совсем другой. Он глядел на звездное небо с мечтательным выражением.

— В самом деле прекрасная? По мне, так небо совсем обычное. А что, в Эстабуле оно не такое?

Это могло сойти за бестактность. Возможно, он и впрямь не такой знаток женских сердец...

Ноа рассмеялась.

— Небо везде одинаковое. Разве что звезды сияют немного иначе... Но, знаете, небо может казаться разным в зависимости от того, кто рядом.

— Вот как...

Судя по всему, он не понял тайного смысла, сокрытого в ее фразе, — и это вновь рассмешило Ноа. Любой бы уже догадался, что она хотела сказать: «Небо прекрасно, когда я люблюсь им вместе с вами». И только Клаус, как и ожидалось, не улавливал тонких намеков. Удивительно. Хотя он ведь старше на целых семь лет...

Тут Клаус заметил ее улыбку.

— Вы чего это? Что смешного?

— Нет-нет... Ох, уже так поздно! Ну же, идемте.

— Да что такое? Вот ведь женщины...

И они направились дальше.

Поместье, где жила леди Ноа с прислугой, находилось в двух шагах от дворца короля Сиона. Раньше оно принадлежало некоему знатному роду, но в революцию опустело: его хозяев постигла судьба прежнего монарха.

Уже у самой двери леди Ноа обернулась взглянуть на Клауса.

— Я замечательно провела время. Большое спасибо вам, — и она опустила голову. Клаус нахмурился:

— Эх... Еще раз извините. Такого, как сегодня, больше не повторится.

— О нет... То есть вы больше не захотите меня пригласить?

— Что? Нет, мы будем видеться! Обязательно! И... и я покажу вам окрестности, и не единожды!

В благородных чертах Ноа почудилось что-то озорное.

— Правда? Когда вы не пришли сегодня, я очень переживала... Боялась, что ненароком обидела вас, и теперь вы меня ненавидите...

Генерал-майор неожиданно впал в неистовство.

— Что?! Ненавижу?! Вы думали, я слинял? Да ничего подобного! Я ведь не из-за этого опоздал... — Тут он снова увидел, как леди хихикает, глядя на него. Клаус был обескуражен. — Ах вы... Снова пытались меня «раздразнить»?

— Сегодня мне и впрямь все понравилось, — вежливо поклонилась она. — Спасибо вам...

«...что спасли мою душу».

Она хотела добавить это, но передумала.

Клаус неуклюже помахал ей рукой.

— Ну, хватит расшаркиваться, идите спать. Семнадцатилетние девочки не должны так поздно ложиться.

— Тогда, может, не стоит смущать соблазнами столь невинную семнадцатилетнюю девочку? — ответила Ноа, взявшись за дверную ручку.

— Что?! Я ведь... Да разве я соблазнял?! — занервничал Клаус.

— Всего лишь шутка, — с улыбкой сказала та. — Нет, мне казалось, что соблазняете...

— Эй! Я же сказал...

— Доброй ночи, — попрощалась она.

В холле ее, как обычно, встретили три верные служанки.

— Прошу прощения, что так поздно, — Ноа все еще улыбалась. — Я была с генерал-майором Кломом и сама не заметила, как...

Но договорить она не сумела, потому что в этот момент произошло нечто ужасающее. Об пол шлепнулась голова одной из служанок, доброй женщины. Ноа даже не успела закричать, как к шеям остальной прислуги были приставлены острые клинки. Тут же их окружили люди, одетые во все черное.

Ноа, моментально все осознав, проглотила истошный вопль.

— А ты быстро сориентировалась. Умная девочка, — произнес самый рослый из убийц. — Думаю, ты понимаешь, в какой ситуации оказалась.

Та отважно взглянула на него:

— Если я закричу, вы всех убьете. Правильно?

— Попробуешь закричать — твои слуги умрут. Попытаешься бежать — твои слуги умрут. Откажешься подчиниться — что ж, и в этом случае твои слуги умрут, — спокойно кивнул мужчина. В нем было столько же роста и силы, сколько в Клаусе.

Ноа насчитала вокруг восьмерых убийц — конечно же, слишком много, чтобы одинокая женщина могла им противостоять. Причем они не расслаблялись, даже видя, как немощна и слаба их жертва. В таком безнадежном положении Ноа бывать не приходилась. Что же делать? Она ничего не могла придумать, как ни старалась. Вот будь на ее месте Клаус — уж он бы сумел выстоять против них и спасти прислугу...

Леди Ноа окинула взглядом свои тонкие руки и с горечью хмыкнула. Она — не Клаус. Она бессильна.

— Так как, будешь делать, что говорят? — спросил высокий мужчина.

— Чего вы хотите?

— Может, для начала разденешься?

Она замерла, по ее телу волной прокатилась дрожь. Могла бы раньше догадаться, один раз взглянув на их ухмылки... Ноа Эн была на грани слез. Неужто ей придется иметь с ними дело? Девушка очень старалась держаться уверенно, однако вся содрогнулась от ужаса.

Как же ей стало страшно... Ее пугал этот человек. Ее пугало то, чего он мог от нее потребовать.

Ноа стиснула зубы и в нелегкой борьбе вернула себе контроль над собственным телом. Больше она не дрогнула.

— Если я это сделаю... Обещайте, что не тронете никого.

— Ну разумеется, — кивнул он, якобы обещая.

«Ну разумеется, он лжет. Моим слугам уже не помочь, — подумала она. — И мне тоже. Должно быть, их наняли роландские дворяне. И теперь они возьмут меня силой. Запугают. И убьют. Моя смерть станет поводом для эстабутьцев, чтобы поднять очередное восстание. Их гнев будет направлен на короля, который не смог меня оградить. Если это их план, то очень скоро погибнет множество роландцев...»

«Я... Я не могу этого допустить».

«Мне остается только...»

— Хорошо, — и она улыбнулась этим мерзавцам. — Сейчас.

Ноа Эн наклонилась, притворяясь, что хочет снять платье.

Ей оставалось только откусить себе язык.

— А ну-ка без глупостей!

В ту же секунду рука убийцы зажала ей рот и помешала осуществить задуманное. Ноа глухо

что-то промычала и вконец отчаялась. Ей даже умереть не позволят, когда она этого хочет.

Другой рукой мужчина подтащил ее ближе к себе.

— У нас будут большие неприятности, если ты покончишь с собой. Клиент желает, чтобы тебя изнасиловали, а уж потом убили, и, если что-то пойдет не так, он будет недоволен. Что ж, господа! Похоже, эта барышня не любит раздеваться сама. Давайте ей поможем.

Его подельники столпились вокруг нее. Ноа испытала ужас.

— Клау... — Но стоило ей открыть рот, как его заткнули кляпом. Теперь она не могла даже кричать. Убийца уже стаскивал с нее платье, Ноа отчаянно вырывалась из его рук, и когда она в очередной раз убедилась в своей беспомощности, то сдалась.

Бедняжка уставилась за закрытую дверь, ведущую во двор, где она прогуливалась с Клаусом всего несколько минут назад. Воспоминания одарили ее теплом. Сегодня был замечательный день. Впервые ей удалось немного развеяться с тех самых пор, как она потеряла свой Эстабул. Поужинать с Клаусом, прогуляться под звездами... Совсем как раньше.

До того, как долг перед народом заставил ее забыть о невинных радостях семнадцатилетних девочек.

Даже что-то настолько малое вроде сияния звезд может стать счастливым воспоминанием. Так что сегодня она была счастлива.

Но дверь, за которой таилась ее свобода, находилась так далеко...

Вот теперь глаза Ноа Эн налились слезами, которые она сдерживала на протяжении всех этих долгих минут.

Всего одна слеза капнула на пол.

Незадолго до этого Клаус, убедившись, что леди Ноа скрылась в стенах поместья, скрестил руки и проворчал:

— Да уж, поди пойми этих женщин...

С другими дамами ему было как-то иначе, чем с Ноа Эн. Той удавалось смутить его несколькими словами — факт, которому Клаус не находил объяснения. Во всяком случае, до стычки с Фроаде и их первой встречи с Ноа Клаус никогда не краснел так часто.

Это ведь она неожиданным криком остановила схватку и предложила Фроаде заключить сделку. И она же теперь казалась невинной, как ласковое дитя. Причем Клаус отдавал себе отчет, насколько удивительна она была. В ее глазах лучился ум, какой редко встречается у знатных семнадцатилетних барышень. А поехав в Роланд, она лишний раз доказала свою исключительность.

Вот поэтому Клаус старался быть рядом с ней, проявлял заботу, подавал руку, когда было нужно. И наслаждался видом ее красивых рук.

Размышляя об этом, Клаус хохотнул:

— Ну, зато теперь понятно, почему эстабильцы в ней души не чают!

И он направился к выходу из двора, как вдруг... Его глаза сузились, лицо посуровело, все черты будто заострились.

— Что за...

На него нашло чувство необъяснимой тревоги. Некое дурное предощущение... Он обернулся и бросил взгляд на поместье, где жила Ноа. Что-то было не так, и он это почувствовал.

«Не знаю, в чем дело, но что-то где-то нечисто...» — эта мысль прочно засела в его голове. Ему подурнело. То же самое он испытывал много раз в самой гуще ожесточенной баталии. Шею странно и весьма неприятно покалывало, будто тело посылало ему сигнал: не ходи туда. Сигнал, который он с легкостью распознал. Подобные ощущения нередки для людей, которые много воевали, и чаще всего небезосновательны.

Не ходи в этот дом. Но там же Ноа...

Внезапно, подтверждая опасения Клауса, в окнах всего поместья погас свет. Вокруг него расплзалась тьма.

Не ходи туда. Даже не думай. Там опасно. Не ходи в этот дом.

Он вновь ощутил дурноту... и с воплем «черт!» стремглав бросился ко входу в поместье.

Не желая терять ни минуты, он распахнул дверь ударом ноги и крикнул: «Ноа! Вы живы?!» Но стоило ему оказаться внутри, как помещение заполонила тьма. В ней Клаус не видел ни зги.

Даже когда на дворе глубокая ночь, всегда есть источники света — звезды или луна. Поэтому сплошной мрак, застилавший глаза, сразу показался ему неестественным. Клаус напряг зрение. Он догадывался, что тьма эта магического происхождения. Заклинание Роланда, не из самых простых. Чем большую площадь требуется охватить, тем больше сил будет потрачено заклинателем. Весь просторный холл утопал во мраке, а значит, противник Клауса был очень способным магом.

Стояла тишина. Враги терпеливо ждали, пока Клаус начнет искать леди Ноа. Они уже готовились атаковать, так что расклад был явно не в его пользу. Хотя Клаус понимал: из них проиграет тот, кто первый выдаст себя лишним движением. Но он не мог просто стоять в ожидании их промаха, ведь каждая минута, потраченная впустую, могла стоить ему Ноа Эн.

Клаус вслепую пробрался в центр комнаты и обратился к своим врагам:

— Чего зря время терять? Нападайте!

В тот же миг в воздухе что-то свистнуло.

Как и полагал генерал-майор, противник двигался ловко и совершенно бесшумно, не давая себя обнаружить. Клаус не успел увернуться от попадания... а может, и не желал. Он наклонился вбок и принял удар.

Звук разрезания плоти. Нож, понял Клаус. Лезвие воткнулось ему в левое плечо.

— Среднячок. Хех, я-то думал, что всем известный командир способен на большее, — заявил атаковавший его убийца. — Теперь долго не продержишься...

Он резко замолк, когда в темноте раздался непонятный треск. А потом темнота исчезла из холла, словно ее и не было. Раненый Клаус молча таращился на убитого им мужчину в черной одежде. Тот лежал бездыханный со сломанной шеей.

Прозрев, Клаус оценил обстановку: врагов много, все готовятся атаковать. Ноа же... Увидев ее, он гневно сощурился. Принцессу раздели донага, не оставив даже клочка одежды. Связанная по рукам и ногам, с тряпкой во рту, плачущая леди Ноа лежала на полу; из ее синих глаз исчезла всяческая решимость. Слезы градом катились по алым щекам.

Генерал-майор не мог на это смотреть. Вытащив нож из плеча и отбросив его в сторону, он глухо спросил (голос его дрожал):

— Что вы с ней сделали?

— Пока ничего, — ответил ему высокий мужчина рядом с Ноа. — Мои люди на шухере сообразили, что нас застукали, и доложили мне. Пришлось прерваться, дабы успеть подготовиться к твоему приходу. Зато нам удалось тебя ранить...

— Ничего? — вперился в него Клаус. — Тогда почему она плачет?

Тот насмешливо улыбнулся.

— Ты нас не остановишь. С такой-то раной...

— Я не об этом спрашиваю! Ты что, оглох?! — казалось, само здание содрогнулось от яростного выкрика. — Я спрашиваю: ПОЧЕМУ НОА ПЛАЧЕТ?!

А потом Клаус бросился на него. Убийцы в черном схватились за ножи и слаженно атаковали... Но Клаус вскинул правую руку. Рукав офицерского мундира лопнул, изодранный в лоскутки, на обнаженном предплечье засияли магические татуировки... И в тот же миг шестеро атакующих оказались выпотрошены. Сила Клауса оказалась столь велика, что убитые даже не успели этого осознать. Генерал-майор расправился с ними как с детьми.

— Н-немыслимо... — выдавил из себя их предводитель. — Ты... ты что творишь?! А?!

Он молниеносно вынул нож из-за пояса и ударил им подлетевшего к нему Клауса; тот не стал уворачиваться, наоборот, закрылся татуированной рукой. Вновь послышался звук вошедшего под кожу лезвия, когда нож пронзил его ладонь. Но и это не могло остановить разъяренного Клауса... Одним ударом он переломил запястье убийцы (раздался полный боли крик), схватил его и стал бить головой об стену. Мужчина трепыхался, однако за первым мощным ударом последовали второй и третий... Наконец, тот обессилел.

Клаус взглянул на него с презрением, как на ничтожную букашку.

— Не-е-ет, так просто ты не отделаешься. Из-за тебя Ноа плачет, так что я буду отрезать от тебя по кусочку...

Тут убийца поднял голову:

— Угх... Можешь... не надеяться... Ты чудовище... но... Я-то... профи... Ты можешь... меня пытаться... Я не сдам... моего клиента...

— Что ты?..

На глазах у Клауса человек скользко ухмыльнулся и сомкнул зубы; что-то хрустнуло у него во рту.

Перед тем, как он умер, его обильно вырвало кровью.

Клаус принялся к его губам.

— Черт... Вот ведь конченный ублюдок. Он принял яд, — сказав это, он бросил труп на пол и обернулся к Ноа. — О-ой... Вы же...

Стараясь не смотреть на нагую принцессу, он присел рядом с ней в темноте, развязал ее руки и ноги, вытащил кляп.

— Ноа, они вас...

— К-Клаус! — не дослушав, воскликнула она. — Вам очень больно?!

— Что? Мне... То есть... О чем это вы?

Ее сердитое лицо словно говорило: «Что значит — о чем это я?»

— Ваше плечо! И ладонь! Как вы могли! Вы же военный, как можно было так изувечиться ради меня?

Вся разгневанная, леди Ноа пыталась остановить его кровотечение. Клаус возразил:

— Ну что вы! Это просто царапины...

— Вы уверены? Как скоро, думаете, они заживут?

— Глазом моргнуть не успеете. — Тут он решился спросить: — Ну, а вы-то как?

— Я? — удивленно молвила она. А спустя секунду ее лицо словно окаменело, и леди Ноа прижалась к генерал-майору. И ей, обнимающей Клауса, было совсем наплевать, что ее прекрасные синие волосы перепачканы кровью. Она дрожала всем телом и едва сдерживала рыдания. Должно быть, здорово испугалась... Перед Фроаде Ноа не спасовала, проявила стойкость, а теперь своим трепетным видом снова напоминала дитя. Дети часто боятся оставаться одни в темноте, так что Клаус успокаивающе обнял ее в ответ.

Они молчали. Кроме них, в поместье были сплошь мертвецы, а ночь стояла тихая, безветренная.

Клаус думал, что Ноа снова начнет улыбаться, если выяснится, что с ней все хорошо. Обнимать ее он по-прежнему не прекращал.

— Все... хорошо... Я в порядке, — почти спокойно произнесла леди Ноа. — Я... Они мне не навредили. Снова я спасена только благодаря вам, Клаус...

— Простите, что вам пришлось столько ждать... Было очень страшно?

Ноа мягко улыбнулась и покачала головой:

— Вовсе нет. Для меня подобные случаи не в новинку. Я же принцесса!

«А ее не так-то легко сломить», — подумал Клаус. За шутками и бравадой крылось ее желание показать себя стойкой, а лицо ее оставалось прекрасным, даже залитое слезами. Клаус заулыбался.

— Ах, и как вам не стыдно насмехаться? — фальшиво возмутилась Ноа. — Вспомните о приличиях, перестаньте смеяться над леди!

— Вы только посмотрите на эту леди! — печально хохотнул генерал-майор. — Она говорит, что ничуть не боялась, но я знаю, что это не так.

— Допустим, — она вмиг посерьезнела. — По правде говоря, я чуть не умерла со страху... Но... Не знаю почему, но мой внутренний голос твердил, что все будет хорошо. Что меня обязательно, обязательно спасут. Я ждала, что придете именно вы, Клаус Алая Рука. И вы пришли. Поэтому в следующий раз мне будет уже не так страшно.

— О как! Получается, я вечно буду выпутывать вас из подобных историй? Подстава, однако.

— Какой же рыцарь оставит даму в беде? Или вас смущает, что спасать придется именно меня?

Клаус поскреб в затылке.

— Не придумывайте... Хм. И вообще... — Он встал, быстро нашел ее платье и не глядя подал ей: — В следующий раз я приду за вами быстрее.

— Вот и славно, — слышалось кроткое позади него. Что ее так обрадовало? Клаус терялся в догадках.

— Тогда одевайтесь, я подожду, — кивнул он, не оборачиваясь. — А потом будем выяснять, кто на вас напал и во что все это выльется.

Его глаза уставились в дверной проем, сквозь который виднелись яркие звезды. Какая тихая ночь... Что-то теперь ждет Роланд?

И тут Клаус почувствовал (хотя ему вполне могло показаться), что ветер усиливается.

Глава 2. Та же красавица

По дороге им попадались сплошь поля да холмы, кое-где виднелись лачуги. Эта часть империи Руны являла собой полное захолустье. Райнер и Феррис приближались к деревне Реджит, думать забыв о запрещающих знаках.

Солнце, как ему и положено, село на западе, и тогда потихоньку сгустились сумерки.

— Эх... А я ведь говорил, — Райнер, изнемогая, взглянул на небо, — я говорил, в храм надо было идти. Как раз успели бы до заката... Кому вообще понадобилось селиться в такой глуши? Может, лучше и впрямь остановимся где-нибудь на ночь? Хотя все подворья наверняка закрыты из-за охоты на демона... И все-таки что за демон мог позариться на такой вот медвежий угол? — с грустью заметил он.

— А что? — ответила Феррис. — Разве не из-за проклятия демона этот край пришел в запустение?

Райнер снова окинул взглядом деревеньку: напрочь лишенный живописности уголок, наверняка живет за счет одних урожаев, словом, тоска зеленая.

— Нет, похоже, демон тут ни при чем.

В этот момент из ближайшей лачуги появилась местная жительница, и Райнер сразу же устремился к ней.

— Эй, госпожа, постойте! Нам только спросить! Скажите, есть ли тут постоянный двор или...

— А-а-а! — взвизгнула женщина, не успев он приблизиться. В тот же миг ее как ветром сдуло обратно в дом. Райнер вытаращил глаза.

— Э... Что это было? Почему она убежала?

— Все правильно сделала, — как всегда спокойно ответила Феррис. — Никому не захочется ночью нарваться на такого маньяка, как ты.

«Снова-здорово!»

— Я сильно удивлюсь, если окажется, что она смоталась из-за меня.

— Хм. Полагаю, ошибки здесь быть не может.

— Ну же, кончай сыпать соль на рану...

Тут к ним навстречу вышел селянин. Райнер предпринял вторую попытку:

— Прошу прощения, добрый господин!.. — произнес он с предельной вежливостью.

— У-у-у! — тот бросился наутек. Глядя на такое дело, Феррис прокомментировала:

— Ну вот, пожалуйста. Ты настолько поднаторел в искусном разврате, что люди стали догадываться по лицу. Тебя можно поздравить?

Райнер даже как-то обиделся, что она говорит о нем с таким безразличием.

— Лицо как лицо... Нет, ты видела, как он улепетывал? Тебе это не кажется странным? Я нарочно пытался казаться милым, приветливым, а он возьми и слиняй! Как так можно? Что вообще происходит в этой деревне?

— Возможно, все дело в проклятии демона, — сказала мечница.

— Возможно, но что это за проклятие? У кого ни пытаюсь спросить, все только вопят. Да что за фигня...

На дороге показался еще один житель. Маг заметил:

— Вот увидишь, сейчас будет то же самое. Я появлюсь — он слиняет. Это тупик.

— Ладно. Давай я с ним поговорю, — предложила Феррис. — И ты увидишь, на что способна ангельски прекрасная женщина в отличие от такого повесы, как ты.

Райнер пожал плечами:

— Порази меня!

— Ну, я пошла.

Феррис приблизилась к селянину.

— Одну минутку, сударь, — начала она не самым дружелюбным тоном. Увидев Феррис, крестьянин заголосил, но внезапно она... исчезла.

На самом деле она мгновенно обогнула его, так что ее нельзя было различить невооруженным глазом. Только он повернулся, чтобы удрать, как Феррис возникла прямо перед ним.

— У меня есть вопрос, — так же сурово возвестила она.

— АХ?!

Мужчина ломанулся в другую сторону, но Феррис вновь встала у него на пути. Так продолжалось, пока бедолага не завопил:

— Д-да что же это?!

Видя, что от ужаса он вот-вот потеряет рассудок, Феррис кивнула:

— Хм. Очевидно, проклятие демона пугает его не на шутку.

«Как бы не так, — думал тем временем растерянный Райнер, — просто ты дашь любому демону сто очков вперед...»

С этой мыслью он медленно подошел к оцепеневшему мужчине.

— Похоже, с вами мы договоримся. Я хочу знать, что у вас тут за проклятие? И почему в деревню никого не пускают?

Лицо крестьянина стало белым, как молоко.

— Я... не могу сказать... — его голос дрожал. И выглядел он очень странно. Райнер и Феррис переглянулись.

— Не можете сказать? Что это значит? — снова спросил Райнер. — Вы боитесь, что с вами случится беда, если расскажете нам о демоне?

— Г-гора... все из-за нее... — пояснил он робеющим голосом. — Нас удерживает здесь демон, что на горе... И... и каждый день...

На их взгляд, он нес какую-то бессмысленную околесицу.

— Демон с горы удерживает вас? — переспросил маг. — Это мы и хотели узнать...

— Н-нет!! П-про гору я ничего не говорил!.. Совсем ничего! Я погиб, боже, я погиб!! — заверещал он, удирая со всех ног.

На этот раз Феррис не стала его останавливать, понимая, больше от него ничего не добиться. Не самый смысленный был собеседник.

Райнер обхватил свои локти:

— Как думаешь, все, что он говорил...

— Угу, — Феррис посмотрела вокруг, — что-то внушает им страх. Ты заметил? Они наблюдают за нами из окон.

Ее напарник заозирался. Во всех окнах стоящих вокруг домов виднелись люди, и они наблюдали за роландцами мертвыми глазами.

— Полагаю, если попросим у них ночлега, то нам, скорее всего, откажут... — пожал он плечами. Феррис кивнула.

— Вот почему мне не стоило путешествовать с извращенцем. Даже в приличный дом постучаться не...

— Ах, только не начинай...

Он осекся. С другого конца деревни к ним навстречу бежала малышка шести-семи лет от роду, бежала со всех ног. За ней гнались пятеро здоровенных мужчин.

— Стоять, малявка! Не глупи! — удалось расслышать напарникам.

Райнер сомневался, что они просто решили поиграть в салочки.

— Эй! Да что они делают...

Прежде чем он закончил, случилось нечто возмутительное: мужчины нагнали дитя и стали не щадя колотить. Та полетела на землю...

— Что они делают?! Они ведь не оставят ее в покое?!

— Похоже на то, — согласилась мечница. — Ими явно движет неуголенное пристрастие к юным девочкам, то же, что и у тебя. Хм... Очень кстати.

— Что кстати? Что ты имеешь в... А! — Райнер просек ее мысль и стукнул кулаком по своей ладони. — Понял! И впрямь очень кстати. Итак...

— Угу.

Посмотреть друг на друга...

...и стремглав броситься на подмогу.

От сильных ударов малышка распласталась по земле, но пыталась встать. Один из мужланов подтащил ее к себе и занес руку для нового удара... как вдруг Райнер, появившись у него за спиной, стиснул его запястье.

— Браток, бить детей как-то не по-мужски, — меланхолично взглянул он на драчуна.

— А ты еще кто? А?! Отвали, чужак! — тот стряхнул руку Райнера и вновь замахнулся, чтобы ударить девочку. Однако маг удержал его и на этот раз.

— Я не буду повторять дважды, — сказал он устало. — Хотя бы скажите, за что вы мучаете

дитя? За что?

Тут Райнер перевел взгляд на девочку (та в ошеломлении наблюдала за происходящим) и прищурился. Ее хрупкое и слабое тело с ног до головы было покрыто ссадинами, пострадало даже милое личико, обрамленное каштановыми локонами.

— Что такого вам сделал этот ребенок, раз вы ее колошматите?

— Не лезь в это дело, не то и сам получишь на орехи! — рявкнул тот. — Да мы... мы из-за нее такого натерпелись, ты бы... Ай!

Он резко умолк, когда Райнер вывернул ему руку.

— Ой, неужели больно? Вот досада! Уж не знаю, чего вы там натерпелись... — Вдруг он понизил голос до вкрадчивого шепота: — ...но мне кажется, что ей сейчас куда больнее твоего. Спрошу еще раз, и лучше бы тебе ответить: зачем вы избили ребенка? Но предупреждаю... Если причина покажется мне ерундовой, я ведь нечаянно могу и руку сломать.

Услышав это, мужчина свирепо зыркнул на Райнера:

— Хорошо трепаться! Что ты вообще понимаешь?! А вы чего встали, раззявы? — крикнул он, обращаясь к своим товарищам. — Заткните этого пришлого!

Но никто не отозвался.

— Эй, вы где там?! Я говорю: сделайте из него отбивную!

И вновь тишина.

— Эй! Эй! Я кому сказал...

Райнер развернул его, потянув за запястье.

— Эх... Твои дружки — это, случаем, не вон те ребята? Так они прикорнули.

Мужики лежали на земле, сваленные в кучу, а на их спинах с расслабленным видом восседала Феррис. Она уже вынула из рюкзака свой любимый сервиз и потихоньку заваривала чай.

Райнер закатил глаза:

— Что ты делаешь?

— М? Тебе налить? Только данго, увы, закончилось.

— Да я не о том... — заскулил он и снова посмотрел на задиру. — Не обращай внимания на эту особу. Итак, поскольку с ее подачи твои друзья выполняют роль чайных столиков, на них можешь не рассчитывать. Так что советую отвечать по-хорошему. Зачем было бить девчушку? И что у вас за бедлам? В деревне явно что-то происходит... Все говорят о проклятии демона...

Неожиданно мужчина затрясся.

— Н-нет!.. Я... не должен! М-меня убьют...

— Ага, это мы уже слышали, — нахмурился маг. — Чего ты боишься?

— Нельзя, нельзя говорить... Иначе мне конец...

Тогда Райнер нанес ему сильный удар в затылок, что заставило драчуна потерять сознание и рухнуть на землю.

— Такие дела, — и Райнер взглянул на напарницу. — Ничего-то они нам не расскажут.

— Ну и ладно. Мы и не надеялись, — ответила Феррис.

— Угу. А теперь...

Он обернулся к лежавшей девочке: та все еще казалась сбитой с толку. Встретив его взгляд своим, застенчивым и робким, она сказала:

— Ах... Спасибо... спасибо, что помогли...

Тут из-за юноши высунулась Феррис:

— Хм. Помогли отнюдь не задаром. Что ты можешь нам предложить в благодарность за свое спасение?

— Не заставляй меня чувствовать себя клоуном, — пожал плечами Райнер.

В ответ на это девчушка совсем растерялась:

— Я бы... Я... Я и сама думала... как мне вас отблагодарить... Но мы живем бедно, у нас нет денег...

— Нет-нет, никаких денег! — яростно замотал он головой. — Мы здесь недавно и не можем найти, где бы остановиться. Ты не против, если мы поживем у вас... Как тебе такое? Уже стемнело, и меня клонит в сон...

— Т-так вы... не из Руны?

Феррис кивнула:

— Верно. Мы путешествуем по разным странам, и на то есть свои причины. А за постой мы заплатим, можешь не...

Но малышка уже не слушала.

— Умоляю! Умоляю, спасите его! — внезапно закричала она, судорожно обняв ногу Райнера. — Мой... мой друг... его скоро убьют... Прошу, спасите его!

— С чего вдруг его убьют? — спросил Райнер. — Это как-то связано с проклятием демона?

— Нет! — та замотала головой. — Аруа... Аруа не демон! Но солдаты Руны увели его в горы... Если мы не поможем, его... его точно убьют...

И она залилась слезами. Маг весьма озадачился.

— Эй, п-постой, когда это случилось? Ты сказала, что твоего друга... Аруа, верно? Так вот, Аруа

забрали солдаты Руны? Потому что он демон?..

— Говорю вам: Аруа — не демон! — взвизгнула она и истошно зарыдала. Райнер в недоумении почесал затылок.

— Гм. Ладно, Аруа не демон, но все думают, что он демон. И поэтому его увезли. Правильно?

— Да...

Наконец-то во всем разобравшись, он вздохнул с облегчением. А потом спросил:

— Но за что же его так прозвали? Можно подробнее?

— В общем... — уже начала она, но тут вмешалась Феррис.

— Постой. Не лучше ли нам продолжить в другом месте? Нужно позаботиться о ее ранах.

— И то верно. Ну и ну, — удивился Райнер, — впервые вижу, что Феррис печется о ком-то, кроме себя. Не думал, что в тебе есть настолько положительная черта.

Та с гордостью покивала:

— Угу. Я просто боюсь, что она умрет, ничего толком не объяснив. Это будет очень несвоевременно.

— И надо было тебе все испортить... Ладно, не суть. Ну, так как? Ничего, если мы напросимся в гости?

— Дядя, если вам нужен дом, то вы его нашли! — ответила Райнеру девочка. — Идите за мной!

И она стремительно умчалась вперед.

— Эй, эй! Не надо бежать, ты же... Вот черт. До чего же я устал...

— Хм.

Оставив троих мужчин лежать на земле, Райнер и Феррис бросились догонять ее.

...

Девочка привела их к небольшому деревянному домику. Внутри он оказался не то что неприбранным, но даже... «Что здесь было?» — не мог не воскликнуть Райнер, увидев царивший в комнате страшный погром. Перевернутый стол, опрокинутые книжные полки, всюду осколки битой посуды, словно здесь побывал ураган.

— Два дня назад я оставила все в полном порядке... — опечалилась их новая знакомая.

— Два дня назад? Выходит, это твой дом?

— Да. Аруа тоже здесь жил, пока его не забрали. Думаю, он бы расстроился, если бы вернулся и увидел, что стало с домом... Но стоит мне здесь прибраться, как снова приходят люди и все громят. Ах, как неловко перед гостями... Я сейчас же все уберу, подождите немного! А то мне совсем негде вас уложить...

С этими словами она начала раскладывать все по местам.

— Ничего-ничего. Мы всего-то на одну ночь, все нормально, — Райнер подвинул стол на середину комнаты, расставил вокруг него стулья и сел на один из них. — С другой стороны, мы хотим знать, что происходит. Весь этот кавардак, избившие тебя люди, да и местные странно себя ведут... В чем причина? Кстати, — он посмотрел на нее, — я забыл узнать твое имя. Меня, например, зовут Райнер. А эту черствую женщину — Феррис.

— А меня... Меня зовут Куку, — вежливо представилась девочка, поклонившись. — Господин Райнер, госпожа Феррис, очень рада с вами познакомиться!

— Взаимно, — ответила Феррис.

— И мне. А теперь, раз мы все друг другу представлены, нельзя ли объяснить?

— Конечно. — Куку, ненадолго задумавшись, окинула взглядом потолок, а затем начала рассказ: — Мы с Аруа жили по соседству и всегда хорошо ладили. Мои мама и папа дружили с его родными... Поэтому мы с Аруа каждый день вместе играли. В деревне нас уважали, жили мы хорошо... Как было здорово...

Она рассказывала не спеша, всякий раз упоминая об Аруа с выражением светлой печали. Деревня Реджит, по ее воспоминаниям, была чудесным местом — до недавнего времени. Теперь же, когда отчаяние и уныние поселились на ее улицах, в слова Куку верилось с большим трудом. Однако Райнер начинал понимать, отчего измученные деревенские с опаской относятся к пришлым.

— Как же дошло до такого?

Куку помрачнела, стоило юноше это спросить.

— Все стало по-другому, когда господин вдруг сильно повысил налоги... Раньше мы и так едва сводили концы с концами, а тут пришлось совсем немого. Но люди боялись идти против воли короля и не стали роптать. Все трудились без устали, чтобы платить. Было нечего есть... Мои родители голодали, но все время, каждый божий день работали дотемна, из сил выбивались... Да только денег все равно не собрали. Наша семья не смогла заплатить налог, и тогда король... поручил нашему господину...

Райнер заметил, как в ее лице медленно проступает страх.

— Он нанял много солдат, — дрогнул ее голос, — много-много, целую армию, хотя ему заплатили все, кроме нас... Сначала убили папу. На глазах у всей деревни, всего за секунду... Его магией... просто напололам... И так много крови... Когда я это увидела, все потемнело...

Она снова заплакала, слезы хлынули из ее глаз. Что ж, вот и еще одна душераздирающая история из числа ей подобных. Для прежнего Роланда, когда над ним еще не властвовал Сион, это было обычным явлением: скучающие дворяне запугивали, безжалостно убивали простых людей... А здешнему господину достаточно было сказать, что Аруа — демон и заслуживает смерти... Никто даже не усомнился, потому как слово аристократа священно, а жизнь бунтаря, дерзнувшего возразить, ничего не стоит. И ему еще повезет, если смерть будет легкой — в противном случае перед казнью жертва познает боль, муки и унижение.

Такова была Руна, некогда водившая дружбу с Роландом: и сама с гнильцой, и знать в ней была такая же. Поговаривали, что магию этой стране даровал Господь, что волшебники черпают

силу Божью... И с этой силой они убивают людей. С этой силой они убили отца Куку.

Да разве истинный Бог мог такое позволить?

— Скотство, — тихо, совсем неслышно бормотнул Райнер. Чокнутое правительство, чокнутая страна.

Девочка вся в слезах продолжала рассказывать:

— Но на этом ничего не кончилось. Следующей схватили меня... Тогда мама заплакала, а господин, наоборот, стал смеяться. Он же видел, как умер папа и как плачет мама, но все равно смеялся! Не знаю, что тут смешного... Он хохотал, хохотал, говорил, что убьет и меня, что это послужит для них уроком... Маги были прямо передо мной...

От такой концовки кровь стыла в жилах. Но... Куку заговорила медленнее, вспоминая каждую деталь:

— Но когда они попытались... случилось что-то невероятное. Аруа... Аруа... применил магию... Но ведь Аруа не говорил, что обучен магии! Он был сам на себя не похож... Всем так казалось. Потому что все смотрели на него с испугом... И еще в его глазах появились странные знаки...

В этот момент стол подпрыгнул, загрохотав. Вернее, это сидящий за столом Райнер резко подскочил.

«Что она сказала?! Знаки в его глазах?..»

Куку воззрилась на мага:

— Ах! Я... может... Я что-то не то сказала?

— Э? А, нет-нет, вовсе не...

Феррис тут же оборвала его:

— Не бойся, Куку, просто Райнер снова чудит. Мы внимательно слушаем.

— Да, да, — спохватился он, — это я виноват. Должно быть, я слишком устал, вот руку и сводит... Нечаянно стукнул ею об стол... Я прервал тебя, извини. Продолжай, пожалуйста.

Несмотря на сказанное, Райнер заметно напрягся. «Как такое возможно? Почему именно здесь?»

Куку послушно кивнула:

— Хорошо. На чем я остановилась... Так вот, наш господин испугался Аруа и тут же уехал. Получается, Аруа спас меня... Но... мама запретила мне с ним играть. В деревне болтали, что Аруа — демон, что он убил много людей. От этого его начали сторониться. Немного погодя сюда вернулся наш господин и привел с собой еще больше солдат. Он забрал Аруа в горы, сказав, что «поработает» с демоном. Якобы армия Руны велела узнать, чем Аруа может быть ей полезен. И он снова смеялся. Снова поднял налоги. И стало еще тяжелее...

— Сперва некоторые хотели покинуть деревню, но всех ждала смерть, — печально продолжала Куку. — Наш господин сказал всем остаться, чтобы никто не прознал об Аруа. Мало того, он приказал убивать даже приезжих, если те заподозрят неладное. Было много смертей, а налоги

все растут... У людей ум за разум заходит. И все винят Аруа...

— Вот зачем тебя избили, — прищурился Райнер.

— Верно... Но это ничего. Ведь если бы не Аруа, меня все равно уже не было бы... Да только из-за этого Аруа... и его маму с папой...

Его взгляд заметался по комнате. Значит, родителей Аруа тоже забрали. Райнер знал по себе, знал, как никто другой, какого рода эксперимент проходит там, на горе. Символы в глазах Аруа, который неосознанно использовал магию... Прямо сейчас в мальчике происходит ряд изменений, и теперь над ним ставят опыты, подобные тем, что проводили в Роланде над Райнером, когда в нем впервые проснулась...

— Скажи, как давно отсутствует Аруа? — спросил он Куку.

— Ну... кажется, около восьми дней, — сказала та.

— А когда пришли за его родными?

— Где-то пять дней назад.

Райнер потемнел лицом. Они опоздали. Прошло слишком много времени... Даже если сейчас он помчится во весь опор...

Вдруг поднялась Феррис:

— Ну, мы идем?

— Но ведь... — уставился на нее Райнер. Девушка устремила ему навстречу твердый взгляд.

— У нас мало времени, так?

— Эх... Да. Верно, если мы не поторопимся, то упустим время.

— Тогда вперед! Кто-то должен прийти на помощь. Вот что, Куку, жди здесь. Мы вернем тебе твоего Аруа.

Куку не могла поверить своему счастью:

— Вы правда, правда поможете? Но идти против лордов...

— Местной знати мы не боимся, — спокойно ответила Феррис.

— А... а как же солдаты Руны?

— Тот же ответ. В крайнем случае я оставлю этого дурака отвлекать внимание, а сама сбегу.

— Эй, зачем ты так со мной? — вырвалось у того.

— Хм. Но ведь ты рожден для роли приманки.

— Что? Да ты...

— Идем уже.

С этими словами Феррис вышла на улицу. Райнер бросился вслед за ней:

— Мало сказать «идем», хотелось бы знать направление!

Мечница указала на северный склон горы, маячивший вдалеке.

— По дороге в деревню я видела свет вон там. Должно быть, туда нам и надо. Как полагаешь?

Высоко в горах крохотный огонек прорезал мерцанием ночную тьму. Райнер тоже его заметил.

— Да, спору нет, это то самое место.

— Точно оно, — поддакнула Куку. — И Аруа там...

Услышав это, Райнер приуныл:

— Эх, свет исходит с очень большой высоты... Вскарabкаться на нее — непростая задача.

Он пошагал вперед. Послышался голос напарницы:

— О да. Узкая горная тропа, извращенец под боком... И впрямь самоубийственная затея.

— Ты кого назвала извращенцем?

— Тебя, конечно.

Переругиваясь, они направились прямо к горе. Глядя им вслед, Куку закричала:

— А может, и мне...

— Ни о чем не волнуйся, — обернулся Райнер. — Вдвоем мы непременно ему поможем, Куку. А пока — почему бы тебе не прибраться в доме? Когда Аруа вернется и увидит весь этот бардак, ему же это не понравится?

Девочка энергично закивала:

— И правда! Тогда я сейчас же начну! А вы, дядя Райнер, сделайте все, что в ваших силах!

— Ох... — он только вздохнул и продолжил путь. На лице его было...

В темноте сияли далекие огни. Перед Райнером с Феррис возвышалась гора, где удерживали в плену юного «демона».

Поздняя ночь наблюдала, как роландцы начинают свое восхождение.

...

В то же время во дворце Роланда Сион Астал, не спавший последние тридцать часов, вовсю клевал носом. Неожиданно его встряхнул неистовый стук в дверь.

— Ваше Величество! Ваше Величество! Беда!

— Что?.. Что случилось? — устало проговорил Сион, приоткрыв глаза. Разбуженный от сонной

дремоты, он ощутил надвигающуюся мигрень.

— Ваше Величество, умоляю, вставайте же! — ответили ему из-за двери. — Это дело жизни и смерти!

Этот голос, по-видимому, принадлежал Эслине, и она была очень встревожена. Стоило Сиону это понять, как он тут же разлепил глаза. Ведь Калне наказал девушке присмотреть, чтобы Сион не гробил себя за работой. Сегодня король успел вызвать их недовольство, когда выяснилось, что он так и не сделал обеденный перерыв, тогда как Калне с Эслиной обедали вместе. С большим трудом им удалось уговорить его вздремнуть... И вот теперь они сами будят его? Что происходит?

Сион выпрямился, оправил смятые одежды.

— Одну минуту, я сейчас буду. А в чем дело?

— Да тут...

Тут ее перебил голос Калне:

— Клаус, я же сказал, тут нужен медик! Вас надо немедленно осмотреть!

— Да помолчи ты! Сначала я должен увидеть Сиона, а раны — так они ерундовые...

— Ничего себе ерундовые! Я бы вообще вот так умер, не приходя в сознание!

— Но ведь мы с тобой разные!

— В том, что касается мозгов! Все, довольно! Эслина, леди Ноа, скажите ему...

Голоса в коридоре умолкли, и дверь распахнулась. У ставшего на пороге Клауса грудь и рука были залиты кровью. Кровь запеклась и на волосах леди Ноа Эн позади него.

Король, прищурившись, мигом отдал приказ:

— Калне, Эслина, приведите врача. Клауса можно упрашивать сколько угодно — он все равно не слушает. Пусть ему окажут помощь здесь.

— Есть! — хором ответили они и помчались исполнять поручение. А Сион посмотрел на генерал-майора.

— Ты проявил отвагу, защищая леди Ноа. Благодарю тебя от имени всего Роланда, Клаус.

Тот бросил на короля колкий взгляд:

— Так ты знал, что на Ноа готовится покушение? Если ты был в курсе заранее...

Но Сион покачал головой.

— Леди Ноа в крови. Ты ранен. Вы оба ворвались ко мне среди ночи. Всему этому может быть лишь одно объяснение. Ты пострадал в схватке, затем поспешил ко мне...

— И что это значит?

— Что целью, вероятнее всего, была леди Ноа. Я прав?

— Вы столь прозорливы, Ваше Величество, — произнесла она. — Я восхищаюсь вами.

— Отнюдь, — нахмурился он, снова качнув головой, — все не так, как вы говорите. Иначе я смог бы предвидеть подобную ситуацию... Мне очень жаль. Это моя оплошность... — Сказав так, он обернулся к Клаусу: — Хотел бы я все объяснить... Спасибо за помощь.

— Что?! — Клаус вконец вышел из себя. — Предвидеть подобное? Что это значит? Я так понимаю, тебе известно, кто нанял убийц?

— В данный момент, генерал-майор Клом, — ответила Ноа быстрее, чем Сион успел открыть рот, — моя смерть выгодна только им.

— «Им»? — повторил Клаус вслед за ней. — Вы имеете в виду знатных дворян?

Ноа кивнула со всей серьезностью.

— В случае моей гибели между Роландом и Эстабулом произойдет разлад, которого мы с таким трудом стараемся избежать.

— Эстабульцы питают к вам большое доверие, леди Ноа, — сказал Сион, — а многие роландцы уважают вас за проявленную силу духа. И ежели с вами что-то случится, то, скорее всего, банальными разногласиями дело не обойдется. Ваша смерть неизбежно подтолкнет народ Эстабула к новому мятежу. Новый конфликт ослабит нашу страну, а гнев протестующих обрушится на меня, поскольку именно я должен был вас защищать. Увы, знатная оппозиция совершенно не понимает нужд государства. Как далеко они готовы зайти, чтобы добиться вожаемого влияния?

— Но что теперь? — встревожился Клаус Клом. — Они будут и дальше угрожать Ноа?

Сион глянул на них исподлобья:

— В том, что произошло, виноват я. Рано или поздно это должно было случиться, но я не ожидал, что дворяне так скоро сделают свой ход... Я просчитался. Примите мои извинения...

— Расслабься, Сион, никто тебя не винит, — ответил генерал-майор. — Все же видят, что ты один тянешь столько дел, что и пятеро бы не управились. Во всем виноваты дворяне и только они. Сегодня Ноа повезло, но что будет завтра? Знать совсем распоясалась, а мы так и будем молчать?

— Полагаю, Его Величество не будет столь опрометчив, чтобы выступить против них сейчас, — вдруг сказала принцесса.

— Как же так, Ноа! Вспомните, что они сделали с вами...

Та решительно возразила:

— Это не главное. Я в порядке. Сейчас мы должны направить усилия на поддержание стабильной политической ситуации в стране. Пока не решены приоритетные задачи, мы не можем позволить этим подлым людям сыграть на моей уязвимости.

— Но...

Видя, что Клауса все еще беспокоит этот вопрос, Ноа тепло улыбнулась.

— И потом... В случае чего генерал-майор Клом снова придет мне на помощь. Под защитой Клауса Алой Руки люди чувствуют, что им ничего не угрожает, правда? Или вы не уверены, что генерал-майор достойно ответит моим обидчикам?

— Я бы... это... — Клаус насупился, жалобно глядя на короля. — Ну, не молчи же, Сион!

Тот пожал плечами и обратился к Ноа:

— Благодарю за понимание. Мне нужно как следует все обдумать, но я постараюсь найти решение, которое, без сомнения, вас устроит. Что ж, время позднее... Я велю приготовить для вас покой и вскипятить воды. Отдыхайте.

Ноа почтительно склонила голову в знак благодарности.

— Вы очень добры, Ваше Величество.

— Ты тоже можешь спуститься с ней, — сказал Сион уже Клаусу. — Тебе выделяют комнату напротив ее покоев, так будет безопаснее. Но для начала тебя стоит показать врачу.

Генерал-майор сдвинул брови:

— Я же сказал, ерунда...

— Клаус!

— Свару не затевай... Да подожду я твоего врача, доволен? Вот же... было бы из-за чего злиться.

Но Сион покачал головой:

— Я не злюсь. Я только хочу, чтобы ты понял. Леди Ноа нельзя подвергать опасности ни при каких обстоятельствах.

— Я хоть и солдафон, но не идиот же...

— Также хочу напомнить, — продолжал король, — что за тебя я беспокоюсь не менее, чем за всех своих подданных. Без твоей помощи я бы не смог продолжить борьбу с чинимым дворянами произволом. И знаешь... если тебя убьют...

Сион сделал паузу и улыбнулся смущенно и уверенно. Его улыбка странным образом завораживала.

— Если тебя убьют, я буду плакать. Ты ведь не хочешь, чтобы я плакал? — взглянул он на совершенно ошеломленного Клауса.

— Ты...

В ту же секунду из коридора послышалось:

— Господин Сион, врач уже здесь! Конечно, он видел десятый сон, но я специально поднял его с постели, так что теперь, Клаус, вы не отвертитесь!

Сион кивнул головой в сторону выхода.

— Да уж, ничего не поделаешь, — удрученно сказал ему Клаус. — Друг мой, у тебя явные проблемы со сном, вот ты и вредничаешь. А я теперь мучайся, лечись...

— Глупости, — Сион рассмеялся, — мне выдалась редкая возможность поспать, как вдруг вы нагрянули. Все вон, я на боковую.

Ноа с умилением наблюдала, как король и генерал-майор обмениваются колкостями.

Наконец, он остался в одиночестве и тиши. Сион не спеша вернулся в свою постель. Думая обо всем, что произошло, он весь содрогнулся от усилившейся мигрени.

Покушение на леди Ноа... Значит, дворяне снова взялись за старое. Смерть Фиоле была первым предупреждением, а гибель Ноа вполне могла стать вторым. Дворяне предпринимают все более рискованные затеи, ведь одно неверное движение грозило им неминуемой карой за вред, нанесенный придворной даме. Однако они все равно не побоялись напасть на Ноа.

На пути к своей цели они не остановятся ни перед чем.

— Черт... — пробормотал Сион, словно сетуя.

К счастью, в этот раз рядом с Ноа оказался Клаус. Не сумей он помочь принцессе, это косвенным образом разрушило бы все планы Сиона. Ни о каком объединении стран больше не шло бы и речи, и ничто не спасло бы империю от вторжения извне.

Только благодаря Клаусу Клому всего этого удалось избежать. Но что будет дальше? Чего ожидать в следующий раз? Он не может пустить ситуацию на самотек и подвергнуть опасности жизни людей. Ему нужен хорошо продуманный план действий.

Кстати говоря... Сион с усмешкой поднял голову.

— Ты как всегда вовремя.

Черная тень возникла перед ним.

Фроаде.

— Я счастлив оправдывать ваши ожидания, мой лорд, — поклонился он.

— Довольно учтивости, — ответил Сион, — мне известно о твоём замысле.

— Я уже все подготовил, Ваше Величество, — улыбнулся Фроаде уголком губ. — Оппозиция вступила в игру, так что и мы не можем остаться в стороне. После того, что случилось... Как вы теперь поступите, Ваше Величество?

— ...Что ты предлагаешь?

— Как я уже говорил, сначала добейтесь уважения аристократии. Не трогайте их, даже зная, что под угрозой находится жизнь Ноа Эн. Вы должны притвориться, что приняли их, что готовы разделить управление страной. Соглашайтесь с ними, кормите их сладкой ложью... Усыпите их бдительность. И тогда мы легко с ними расправимся.

Слушая его, Сион одеревенел.

— Убить их всех до единого?

— Если придется.

— Но что скажет народ?

Фроаде ответил уклончиво:

— Я действовал в соответствии с вашим приказом. Все идет должным образом, мой лорд.

Что он сказал? Сион прищурился:

— Не ты ли организовал покушение на леди Ноа?

Но тот качнул головой:

— Увы, к этому я непричастен. Подтолкнуть дворян к покушению — это было бы в высшей степени хитроумно. Но если бы я посылал убийц, жизни леди Ноа ничего бы не угрожало. Так что касательства я не имею.

— Вот как... Можешь идти.

— Слушаюсь. Тогда на сегодня все. Но уже с завтрашнего дня нам предстоит много работы. Отдыхайте, набирайтесь сил, Ваше Величество.

Фроаде ушел. А Сион еще долго ворочался под одеялом, не в силах уснуть.

...

Наутро вся страна пребывала в невиданном смятении. Согласно изданному королевскому указу, который в сложившейся ситуации многих привел в замешательство, каждый знатный дворянин, оказавший поддержку правящей власти, был повышен в чинах. А на верху военной иерархии оказался... бывший генерал-майор Клаус Клом, ныне фельдмаршал империи Роланд. Люди же из оппозиции (а это большая часть дворянства) в борьбе за значимые должности остались не у дел. Одни люди праздновали, другие завидовали, третьи досадовали, четвертые гадали, что лежит у истоков столь резкой политической перемены. Кроме того, перемена сказалась и на использовании человеческих ресурсов, так как многие должности оказались совмещены. И теперь жители Роланда не знали, что и думать.

Итак, очень скоро в кабинете Его Величества было яблоку негде упасть. Клаус, явившийся на собрание в числе прочих, начал орать с порога:

— На хрена ты меня в фельдмаршалы произвел?! Я и сам, без твоих подачек, мог дослужиться до высших чинов наравне со всеми! А ты... — продолжал он бушевать.

— Он прав, господин Сион! — вторил Калне Кайвел. — Это было как гром среди ясного неба, мы все рты пооткрывали! Что бы вы там ни планировали, можно же было как-то предупредить...

— Простите за грубость, но... В данной ситуации принятые меры кажутся неблагоразумными, — Ноа тоже решилась выразить несогласие. — Теперь не только дворяне, но и простые люди сочтут, что вы наконец ступили на путь тирании. Я понимаю, Ваше Величество хочет распределить нагрузку и передать часть дел доверенным лицам, но не стоит забывать, что дворяне по-прежнему контролируют общество. Ваш выбор лишь усугубит проблему. Я думаю,

вам надлежит отменить указ, пока все не зашло слишком далеко.

Она выглядела очень серьезной. Еще вчера леди Ноа требовала не допустить огласки ситуации, в которой она чуть не погибла. Сегодня по ее лицу было видно, что решение короля ей не по душе.

Кроме вышеупомянутых, здесь присутствовали Эслина, Фроаде, граф Нубул (давний союзник короля) и другие лояльные знатные персоны. Сион пожал плечами:

— Недовольны повышением? Нет у вас амбиций.

Граф Нубул, на что только честный, искренний человек, услышав это, остолбенел.

— На что вы намекаете, Ваше Величество? Думаете, мы здесь ради карьеры? Ваши сторонники... во всяком случае, те, что присутствуют здесь, не потакают своим амбициям! Мы помогаем вам, потому что желаем лучшей участи для империи! Никто не хочет вернуться в темные времена! А новый указ о перераспределении должностей... Из-за него люди чувствуют себя преданными! Вы должны дать людям возможность самим добиваться поставленных целей! Прошу, Ваше Величество, отмените указ!

Тут вмешался Фроаде:

— С этим вы опоздали. В ответ на любые действия Его Величества оппозиция может перекупить у нас конницу и пехоту, дабы спровоцировать новый конфликт. Боюсь, отмена принятого указа уже ничего не изменит.

На мгновение в кабинете воцарилась тишина.

Да. Вот теперь начиналась настоящая битва за власть. Никто и опомниться не успел, как это произошло. Не так давно кончился Эстабульский мятеж; всем хотелось, чтобы мир, пусть и временный, напускной, длился как можно дольше...

«А не спятил ли наш король?» — читалось в глазах придворных.

Сион с глубоким вздохом обвел их взглядом. Так много людей... И если все они здесь ради Сиона... нет, ради страны... Если все они хотят видеть ее безопасной и процветающей, если они готовы трудиться на благо Роланда, а не в угоду собственному самовлечению...

Тогда они выиграют эту битву.

Сион снова вздохнул и произнес:

— Я знаю, о чем вы думаете. Но хотите знать, о чем думаю я?

Все очень внимательно слушали, так что Сион продолжил:

— Многих удивило мое решение. Я ожидал, что так будет. Видно, что среди вас не все приветствуют столь неожиданную перемену. Вам кажется, что поспешный шаг вызовет недовольство дворян, живущих по старым понятиям... Но прежде чем резко отвергнуть предлагаемый план, подумайте вот о чем. Все вы слышали об империи Гастарк, не так ли?

Многие придворные, заподозрив неладное, закивали.

— Тогда, полагаю, вам известна и империя Стоул. Самая большая страна континента

Менолис... По численности населения, по военной мощи Стоул превосходит нас примерно в пять раз. Чего, по-вашему, стоит ожидать, если Стоул начнет вторжение в Роланд?

— Ух, очевидно, победа останется за Стоулом, а мы будем уничтожены, — сказал граф Нубул.
— Однако, в связи с его удаленным географическим положением, вторжения никак не предвидится...

— Согласен, — кивнул Сион, — скорее всего, Стоул не станет замахиваться на южную страну. Нам не о чем волноваться.

Нубул нахмурился.

— Простите, Ваше Величество... Я все еще не понимаю, к чему вы клоните. Стоула можно не бояться, это мы уже обсудили. Но при чем тут принятый вами указ?

— Связь косвенная, но она есть. В ближайшее время Стоулу будет не до завоеваний, поскольку... Утром до меня дошли сведения, что две трети его территорий уже захвачены империей Гастарк.

— Как?! — вскричали все.

— Уступил не только Стоул, — продолжал Сион. — Раньше Гастарк представлялся нам не приметной северной страной, но теперь его сила возросла. Гастарки прибрали к рукам множество небольших стран. К сожалению, более точными данными не располагаем. Все-таки не ближний свет.

От последней реплики Нубулу враз полегчало.

— В-вот именно! От Гастарка нас отделяют сотни миль. Между нами лежат Руна, Нельфа и прочие страны, в том числе и четыре государства масштаба Стоула. Сомневаюсь, что нам что-то угрожает...

— Да, армия гастарков до нас может и не дойти, — отчего-то качал головой король. — Но велика вероятность, что другие страны, чувствуя давление со стороны Гастарка, примутся наращивать свое военное влияние, а это чревато новыми конфликтами. Вы не согласны?

— Н-но ведь...

— Нам продолжают поступать сообщения о чужеземцах, промышляющих на территории империи Нельфы. А что касается нашего альянса с Руной...

Люди не смели возразить, чувствуя, что прямо сейчас их мир ощутимо меняется. В воздухе повеяло запахом мировой войны, по сравнению с которой конфликты между Роландом и Эстабулом казались не более чем учениями. И значит, Роланд должен как можно скорее истребить конкурентов — либо сам будет истреблен.

Дав придворным осознать ситуацию, Сион Астал произнес:

— Время уходит. Мы больше не можем тратить его на пустые междоусобицы. И поэтому... Фроаде нашел решение: мы должны заманить в ловушку враждебно настроенных дворян и избавиться от них раз и навсегда.

Теперь все взгляды были прикованы к Фроаде. Клаус буквально прожигал того сердитыми

глазами.

— Казнить?! — издал он. — Женщин, детей, всех?! Сион! Если пойдешь на это, то чем ты будешь лучше прежнего коронованного ублюдка?

— Нет, Клаус. План Фроаде хорош, — возразил ему король. — Я считаю, это наилучший выход. Однако... Я — король всех жителей этой страны. А дворяне, жаждущие моей смерти, такие же роландцы, как и все остальные. Поэтому мой долг — защищать и их тоже. Я хочу спасти столько, сколько смогу. Хочу объединить народ империи, никого не убивая. Лишь поэтому я иду на крайние меры, так как они позволят мне получить полную власть над Роландом. Если дворяне захотят присоединиться ко мне, я приму их и не стану вспоминать об их прегрешениях. Но если они продолжают строить мне козни... Их ждет смерть. А нас, возможно, ждет еще одно восстание. Повторяю еще раз: времени в обрез. Пока я еще могу спасти большую часть граждан, то не поскуплюсь ни на какие жертвы. Но мне потребуется помощь каждого из вас. Помощь людей, радеющих за империю; не будь здесь вас, я бы не смог продолжать. Я не позволю врагам уничтожить эту страну. Готовы ли вы помочь мне спасти ее?

Он говорил с такой убежденностью, что не осталось сомнений: очень скоро Роланд будет един, нужна лишь поддержка верных союзников. Близок час, который потребует собрать все силы и объединиться... Если же сторонники короля не способны на это, то надеяться не на что.

В этот момент фельдмаршал Клаус Клом приложил руку к груди и склонил голову.

— Как прикажет мой господин, — провозгласил он.

Вслед за ним граф Нубул и все присутствующие склонились, и голоса их слились воедино:

— Как прикажет мой господин!

Глядя на них, Сион прищурился. Их битва начиналась. Это означало не только гражданскую войну, нет... Роланд сделал первый шаг к борьбе за господство над континентом.

Осененные благодатью правящего монарха, все остались в большом воодушевлении. Один только Миран Фроаде осмелился покинуть кабинет раньше прочих.

— Мой идеальный король, — мягко произнес он. — По моим представлениям, именно так должен поступать король. Вы желаете спасти всех, кого еще можно спасти, не так ли? Мой идеальный король...

Слабая тень улыбки отразилась на его лице.

«Да... Тот путь, что вы выбрали, приведет к большому кровопролитию, чем путь, предложенный мной. Но для истинных королей есть только путь тирании. Вам придется перешагнуть через горы трупов... Но для истинных королей есть только путь тирании. Поэтому я буду идти вслед за вами. За истинным королем. Хотя ваше сердце будет кровоточить, потому что вам суждено забрать жизни многих и многих. Вы ведь уже поняли? Наверняка. И теперь вы бессильны что-либо изменить, но стараетесь не задумываться об этом. И вас терзают сомнения: так ли должен поступать настоящий король? А значит, меньшее, что я могу сделать — это избавить вас от терзаний. Мой долг — пожертвовать малым ради большего... и взять на себя ответственность за кровопролитие...»

Уже у выхода из кабинета Фроаде обернулся. Все вокруг Сиона Астала было залито светом.

Фроаде приложил руку к груди и поклонился.

— Как прикажет мой господин... — прозвучал бархатный голос. А затем советник исчез.

...

Тьма пришла в движение, когда Фроаде взялся за осуществление двух намеченных планов.

Один из них касался всех мало-мальских влиятельных знатных персон. Фроаде заслал шпионов в дворянский квартал, к вельможам, которые до этого либо не выказывали верности правящему монарху, либо выражали сочувствие оппозиции. Если они продолжают гнуть оппозиционную линию, их следует предать смерти, дабы не допустить дальнейших протестов. Если же они согласны с позицией короля или сохраняют нейтралитет, их отпустят с миром, ведь когда-нибудь величайший король все равно заставит их покориться, верно? Этот план позволял сделать четкое разграничение между теми, кто заслуживал казни, и теми, кто не заслуживал.

А вот второй план...

Перевод:

[https://www.baka-tsuki.org/project/index.php?title=Densetsu_no_Yuusha_no_Densetsu_\(Russian\)](https://www.baka-tsuki.org/project/index.php?title=Densetsu_no_Yuusha_no_Densetsu_(Russian))

<http://tl.rulate.ru/book/7298/135435>